

Олег ЦАРЕВ
Джон КОСТЕЛЛО

ИЗ АРХИВОВ
КГБ

РОКОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Секретные миссии (Аква-Терм)

Олег Царев

Роковые иллюзии

Издательский Центр «Аква-Терм»

1993

Царев О.

Роковые иллюзии / О. Царев — Издательский Центр «Аква-Терм», 1993 — (Секретные миссии (Аква-Терм))

Книга рассказывает о жизни и деятельности советского разведчика А. М. Орлова. Она написана на основе документальных материалов КГБ, ЦРУ, ФБР и свидетельств участников событий. Для широкого круга читателей.

© Царев О., 1993
© Издательский Центр «Аква-Терм», 1993

Содержание

От авторов	5
Предисловие к русскому изданию	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Олег Царев, Джон Костелло
Роковые иллюзии
Из архивов КГБ:
дело Орлова, сталинского мастера шпионажа

От авторов

Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в создании этой книги с российской стороны – бывшему начальнику разведки КГБ Леониду Владимировичу Шебаршину, руководителю архивной службы разведки Александру Петровичу и ее сотрудникам Вячеславу Петровичу Мазурову и Дмитрию Дмитриевичу Воробьеву, бывшему заместителю начальника внешней контрразведки Сергею Михайловичу Голубеву, бывшему сотруднику внешней контрразведки Михаилу Александровичу Феокистову, оперативному фотографу разведки Михаилу Михайловичу Логинову и руководителю пресс-бюро разведки Юрию Георгиевичу Кобаладзе, а также всем тем, чьи имена, по соображениям конспирации, не могут быть названы; с американской и британской стороны – бывшему заместителю директора ЦРУ Рэю Клайну, советнику ЦРУ Уолтеру Пфорцхаймеру, сотрудникам ЦРУ Роберту Кроули и Хейдену Пику, бывшему сотруднику канадской контрразведки Дэниэлю Малвенне, ныне покойному начальнику британской контрразведки сэру Ричарду Уайту, бывшему сотруднику Форин офиса Роберту Сесилу, члену британского парламента и писателю-историку Руперту Алласону, журналистам Ричарду Нортону Тэйлору, Мартину Уокеру, Джеймсу Адамсу и Дэвиду Твистон-Дэйвису, историкам Артуру Шлезингеру, Аллену Уайнстайну, Джеймсу Баррозу, Уоррену Кимбаллу, Верну Ньютону и Тимоти Нафтали, сотруднику Национального архива США Джону Тэйлору и его коллегам, сотрудникам библиотеки ФБР, библиотеки Конгресса США и Архивного управления Великобритании.

Предисловие к русскому изданию

Июльским вечером 1990 года я совершал ежедневный ритуал опечатывания двери кабинета № 317 в здании КГБ на Лубянке. Используемое для этого архаичное приспособление состояло из деревянной бирки с комочком пластилина и пропущенным через нее суровым шпагатом. Шпагат продевался в ушки двери и косяка, вдавливался в пластилин и фиксировался личной бронзовой печатью. Чтобы пластилин не прилипал к печати, в отношении ее гравированной поверхности предпринималось такое же действие, какое совершает суеверный человек через левое плечо, когда хочет оградить себя от бесовских козней. Может быть, поэтому, а может быть, в силу простоты и надежности это устройство пережило несколько поколений обитателей Лубянки и выкрутасы научно-технического прогресса. Правда, отдельные долгожители дома 1/2 на площади Дзержинского любовно приложили руку к его увековечению путем замены фанерной бирки на пластмассовую или даже алюминиевую, однако среди разведчиков, одержимых охотой к перемене мест, производство амулетов в виде бирки-якоря на всю жизнь не привилось. Я принадлежал к последним и за свою службу сменил их штук семь или восемь.

Возня с биркой подходила к концу, и близился тот момент, когда блестящий оттиск печати на пластилине несет с собой освобождение от служебных забот и мысли переключаются на домашний ужин, как за уже запертой дверью кабинета зазвонил телефон. По его звуку я определил, что это линия оперативной связи, и решил не разочаровывать другого засидевшегося коллегу, хотя привычка перерабатывать имела часто самое простое и практическое объяснение – потратить с большей пользой время, отбираемое московским часом пик. Дверь была отперта, а трубка оказалась в руках раньше, чем на другом конце линии исчезла надежда. «Олег, как будет время, приезжай, – сказал знакомый голос, – есть кое-что интересное». Из пригородного Ясенево, где размещается штаб-квартира разведки, именуемая «Центр», звонил Александр Петрович, начальник подразделения, в ведении которого находятся ее архивы. В его интонации была та самая напускная небрежность, которая появляется в результате большого удовлетворения чем-то и желания заинтриговать этим «чем-то» своего собеседника. Следовало бы не поддаваться и не доставлять ему ожидаемого удовольствия помучить меня неизвестностью, но любопытство пересилило, и я спросил: «А что именно?» – «Ну, что мы с тобой будем по телефону говорить?! Приезжай – узнаешь».

Не могу сказать, что не спал всю ночь, – этого Александр Петрович не добился, но на другой день я все же сидел в его кабинете. На столе передо мной высилась стопка старых дел, объединенных одним оперативным псевдонимом – «Швед». «Шведом» был Александр Михайлович Орлов, резидент советской разведки в годы гражданской войны в Испании, таинственно исчезнувший в 1938 году из Барселоны и объявившийся в США в 1953 году с публикацией своей разоблачительной книги о преступлениях Сталина. Это было, пожалуй, все, что я да и большинство сотрудников разведки знали о нем в то время. Считалось, что раз он ушел, да еще в США, к главному противнику, то вроде бы был предателем, хотя никаких официальных комментариев по этому поводу не давалось. В истории внешней разведки, предназначенной для внутреннего пользования, его имя было обойдено молчанием. «Вы предлагаете мне написать о предателе?» – спросил я с некоторым разочарованием.

«Для начала прочти вот это», – Александр Петрович раскрыл одно из дел. Это была обобщенная справка об Орлове. Я буквально съел ее глазами. Передо мной раскрылась тайна, и не одна. Изумление, видимо, отразилось на моем лице, и Александр Петрович не мог скрыть торжествующей улыбки: «Ну? Что скажешь?» Я еще не мог осмыслить все прочитанное и только ответил обычно ничего не значащим, но в данном случае отражавшим суть дела голосом: «Все

это очень не просто...» Потом на ум пришло нечто профессиональное: «Ведь если его допрашивали в ФБР и ЦРУ, то надо бы получить и их материалы».

До материалов ФБР и ЦРУ дело, однако, тогда не дошло – я просто не знал, как чисто технически и процедурно подступиться к их архивам на основе действующего в США закона о свободе информации. Тем более для статьи в газете этого и не требовалось: дай Бог, хоть из того, что есть в нашем архиве, включить побольше. Материал об Орлове был опубликован в «Труде» двумя частями («кусками» – как говорят журналисты моего поколения) 20 и 21 декабря 1990 г., в дни, когда советская разведка отмечала свое 70-летие. Это было весьма примечательно. Материал, естественно, мной согласовывался с руководством разведки хотя бы потому, что он содержал пусть уже принадлежащие истории, но все же формально секретные сведения и разрешить его публикацию мог только начальник разведки – Леонид Владимирович Шебаршин. При этом была указана и намечаемая дата публикации. Я получил не только согласие, но и поддержку. Разведка была готова рассматривать свою историю не одномерно – как цепь героических свершений, а во всей сложности приближения к исторической истине. Вылепленная революцией и Гражданской войной, противоречивая фигура Орлова в такой же мере воплощала в себе сущность, образ и историю советской разведки 20–30-х годов, в какой частное отражает целое. А учитывая масштаб его личности, может быть, и более того. Это же относится и к его коллегам-современникам, чьи имена предстанут в этой книге: Теодору Малли, Арнольду Дейчу, Дмитрию Быстролетову, Дмитрию Смирнову, Леониду Эйтингону, Сергею Шпигельгласу и другим. Невольно закрадывается грешная мысль о том, что, когда разведка была малой по численности, люди в ней работали большие. Интересно, что скажут потомки о нас?

20 декабря 1990 г. я принес показать свежий номер «Труда» с «Побегом в неизвестность» Шебаршину. Он чуть оторвался от бумаг и довольно бесстрастно сказал: «Хорошо, я уже видел». Потом небрежно добавил: «Теперь надо писать книгу», – и снова вперил взгляд в документы, давая понять, что аудиенция закончена. На мое возражение, что для книги предоставленных мне материалов не хватит, он, не поднимая глаз, произнес как уже нечто решенное: «Александр Петрович об этом позаботится».

Книг я никогда не писал, хотя имел достаточный опыт журналистской работы как разведчик, действовавший под прикрытием некоторых центральных газет, включая «Правду» и «Известия». Тем не менее претендовать на написание книги я никогда бы не осмелился, и, может быть, было даже лучше, что кто-то другой решил, что надо попробовать. В это время произошли события, сколь случайные, столь и неизбежные, если рассматривать их диалектически.

Еще в мае 1990 года, опять же в «Труде», я опубликовал статью «Последний полет «Черной Берты», о том, что было известно советской разведке о сенсационном перелете заместителя Гитлера по партии, наци № 2 Рудольфа Гесса, в Великобританию в 1941 году, незадолго до нападения Германии на Советский Союз. Статья была перепечатана в лондонской «Санди таймс» и привлекла внимание британского историка Джона Костелло, работавшего в то время над книгой о тайных попытках Гитлера заключить мир с Англией в 1940–1941 годах. Он списался со мной, и в январе 1991 года мы встретились с ним в Москве для обсуждения документальных источников по делу Гесса. Узнав, что я начинаю работу над книгой об Орлове, и ознакомившись с уже опубликованной статьей о нем, Джон Костелло предложил писать ее вместе. Он был готов взять на себя архивы ФБР и ЦРУ и работать на американских и английских материалах. Я подумал и решил, что это весьма разумно по двум причинам: во-первых, снимался вопрос моего «проникновения» в ФБР и ЦРУ (хотя в читальном зале архива ФБР побывать мне все же довелось), и, во-вторых, совместный труд западного и советского авторов обещал быть более объективным, что для истории немаловажно.

Итак, я согласен, Костелло согласен. Оставался только один «пустяк» – мне, как действующему офицеру КГБ, получить разрешение на научное и литературное сотрудничество с иностранным автором. Насколько мне известно, такого прецедента еще не было. Но за окном шел 1991 год. В просвет казенных белых занавесок моего кабинета был виден не только хлопающий одной открытой дверью 40-й гастроном – опорная точка советской торговли, но и новый, нарождавшийся мир, в котором, казалось, все было возможно. Я написал рапорт на имя председателя КГБ с соответствующим обоснованием моей просьбы. Начальник разведки поставил свою визу. Через несколько дней рапорт вернулся. В левом верхнем углу Владимир Александрович Крючков написал только одно слово: «Согласен».

То, что получилось из этого согласия и совместного труда двух разноплеменных историков, вы и держите сейчас в своих руках. В силу необходимости (Джон Костелло не владеет русским языком) окончательный текст книги был подготовлен на английском языке. По этой же причине она сначала вышла в США и Англии, а тем временем переводилась на русский язык. Ни Джон, ни я не можем сказать, что это только его или только моя книга. Тем более я не могу сказать этого о ее переводе с английского на русский язык, поскольку это уже третье опосредованное изложение того, что я когда-то писал, и текст зачастую неузнаваем. Но это та сумма исторических фактов, которые мы вместе отыскивали и собрали, и выводов, к которым мы вместе пришли. Если мы в чем-то не соглашались, то такие случаи особо оговорены в сносках и примечаниях.

Мы не ставили перед собой задачу осуждать или оправдывать Александра Орлова. Мы старались, насколько это позволял имеющийся материал, точно воспроизвести события и их взаимосвязь. Проще говоря, рассказать вам, как это было.

О. Царев

Глава 1

Незванный гость

В пятницу, 14 ноября 1969 г., человек в темно-сером пальто сошел на станции Анн-Арбор с поезда, прибывшего в 8.30 утра из Чикаго, и взял такси. Оно остановилось на перекрестке улиц Стейт и Саут Университи. Пассажир вышел и присоединился к толпе студентов, которые спешили на лекции по широко раскинувшейся территории студенческого городка Мичиганского университета. Ледяной ветер, порывами наносивший снег с озера Гурон, сотрясал голые ветви деревьев перед Лорч-холлом. Сквозь вращающиеся стеклянные двери человек вошел в шестиэтажное здание экономического факультета. Никто не обратил особого внимания на коренастого мужчину в пальто модного покроя, хотя вид его не вязался ни с преподавателями факультета экономики, ни со студентами. Задержавшись перед доской объявлений, где висело расписание занятий на этот день, он пробежал глазами список и зашагал по коридору покоевого этажа здания¹.

В одной из аудиторий пожилой человек читал студентам лекцию на английском языке с сильным американским акцентом. Несмотря на то, что он весьма постарел, гость без труда узнал его по фотографиям, имевшимся в личном деле тридцатилетней давности, где содержалось следующее описание: «Выше среднего роста, атлетического сложения; нос слегка перебитый; лысеющая голова, волосы сильно поседевшие. Носит короткие усы, тоже седые; очень решительные черты лица, манеры, походка и жестикуляция; отрывистая, резкая речь; серые пристальные глаза. Прекрасно владеет английским языком, говорит с американским акцентом. Хорошо говорит по-немецки, более или менее свободно объясняется на французском и испанском языках»². Усы его давным-давно были сбиты, голова почти совсем облысела, а гнусавый американский выговор стал еще заметнее. Годы сделали свое дело с атлетической фигурой, наделив ее академической сутулостью.

Однако не могло быть ни малейшего сомнения, что это был тот самый человек, который ему нужен. Убедившись в этом, гость тщательно прикрыл дверь и взглянул на часы. До конца лекции оставалось пятнадцать минут – ну а потом он представится преподавателю. Поезд из Чикаго тащился долго, в нем было холодно, и гость пошел назад по коридору в поисках туалетной комнаты.

Не прошло и десяти минут, как человек в темно-сером пальто вернулся к аудитории. К своему смятению, он обнаружил, что она пуста. Мысленно он обругал себя за то, что поставил на первое место удовлетворение естественных потребностей; это был просчет, из-за которого он упустил возможность без труда установить контакт с человеком, в поисках которого проехал пол земного шара. У него были и домашний адрес, и номер телефона преподавателя, но, как подобает осторожному и методичному исследователю, он решил проверить их в регистратуре университета. Однако он не стал делать этого на экономическом факультете, а перешел в примыкающее к нему отделение физических наук и там попросил список постоянных преподавателей и почасовиков. Он обнаружил, что имя сотрудника юридического факультета Игоря Берга было одним из немногих, которое не сопровождалось учеными званиями. Преподаватель проживал в доме 400 по Мэйнард-стрит, квартира 703, то есть всего в двух кварталах от университета.

Куранты над студенческим городком пробили полдень, когда гость шел по Стейт-стрит в направлении Уильямс-стрит и, повернув направо, оказался на Мэйнард-стрит, где и находился одиннадцатизэтажный многоквартирный дом. Это была примитивная бетонная коробка, квартиры в которой, рекламируемые как «спокойные и комфортабельные», служили временным прибежищем для приглашенных лекторов и студентов-выпускников.

Медленно пройдя мимо входа с навесом, ведущего в Мэйнард-хаус, он заметил, что за конторкой восседал привратник устрашающих габаритов. Посетитель не желал, чтобы о нем докладывали, опасаясь насторожить г-на Берга; поэтому он нырнул в расположенный по соседству магазин канцелярских принадлежностей.

Подглядывая из-за удобно расположенного стенда с поздравительными открытками, он имел возможность наблюдать за входом в Мэйнард-хаус, выжидая удобный момент, чтобы проникнуть туда без доклада.

Заприметив трех школьников, которые пересекали улицу в его направлении со стороны Уильям-стрит, человек не спеша вышел из магазина. Тут он увидел котенка, бродившего вдоль тротуара, и, быстро сориентировавшись, подхватил его и крикнул школьникам как раз в тот момент, когда они подходили к подъезду Мэйнард-хауса: «Это случайно не ваша кошка?» Один из мальчишек сразу же подошел, чтобы заявить свои права на котенка, и незнакомец вручил ему животное с дружеским предупреждением об опасности, которой подвергается кот, гуляющий по проезжей части дороги. Затем, когда мальчишки вежливо придержали для него открытую дверь, он перевел разговор на бейсбол. Прожив несколько лет в Соединенных Штатах, он знал, что можно завязать разговор с кем угодно, если заговорить о столь любимом американцами спортивном зрелище. Пока они шли через вестибюль к лифтам, он деловито поделился с ними своими взглядами на результаты недавних финальных игр. Привратник, решив, что мужчина идет вместе с мальчиками, не стал его окликать. Не заметил он и того, что незнакомец в темно-сером пальто внимательно читал фамилии на почтовых ящиках в вестибюле, пока вся компания ждала лифта.

Войдя в кабину, один из мальчиков нажал кнопку седьмого этажа. Мужчина выбрал восьмой этаж, чтобы поддержать впечатление, что он живет в этом доме. Когда мальчики выходили из лифта, он попрощался с ними и, поднявшись сначала на восьмой этаж, спустился затем на седьмой. В коридоре никого не было, и несколько мгновений спустя он стоял перед дверью квартиры 703, где проживал человек, называвший себя Бергом, который и был объектом его пятилетних поисков.

Посетитель легонько постучал в дверь, а затем осторожно переместился таким образом, чтобы не попадать в поле видимости дверного глазка. Предосторожность была нелишней, и он услышал лязг трех отпираемых замков. Дверь осторожно приоткрылась, оставаясь на крепкой дверной цепочке. В образовавшейся узкой щели показались слегка свернутый нос и ясные серые глаза пожилого человека, которого он видел в аудитории.

«Могу ли я поговорить с г-ном Орловым?» – вежливо спросил посетитель.

Жилец был явно испуган таким вопросом. «Кто вы такой?» – потребовал он ответа.

«Александр Михайлович, я – Феоктистов, – ответил мужчина. – Можно войти? У меня для вас письмо от старого друга».

Пожилой человек с явной неохотой снял цепочку, и незнакомец быстро шагнул через порог, заставив хозяина отступить внутрь квартиры, в гостиную комнату. Теперь, когда они оказались один на один, посетитель сказал, что он привез письмо от Николая Прокопюка, старого знакомого Орлова по Барселоне³. Он вынул конверт из кармана пальто и вручил его пожилому человеку, который занял оборонительную позицию, уверяя, что не знает никого под этим именем. Он высказал предположение, что посетитель, должно быть, ошибается, но когда он уже был готов возвратить нераспечатанное письмо, в комнату вбежала женщина. Седые волосы, собранные в плотный пучок, подчеркивали худобу и враждебное выражение ее лица.

«Кто вы?» – требовательно спросила эта похожая на птицу женщина. Когда же мужчина заявил, что он русский, привезший письмо от старого друга, она разразилась бурей протестов.

«Успокойтесь, пожалуйста», – сказал Феоктистов и сунул руку в карман пальто, чтобы вынуть паспорт, который удостоверял бы его личность.

Опасаясь, что незнакомец собирается вытащить револьвер, худенькая женщина напряглась, как испуганная кошка, а он протянул ей зеленый дипломатический паспорт с золотым серпом и молотом, удостоверяющий, что его владелец является членом советской делегации при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

«Саша, это – агент КГБ, он пришел, чтобы убить нас!» – пронзительно закричала женщина по-русски; глаза ее были полны ненависти, а голос выдавал страх. С истошным криком она кинулась вон из комнаты и вернулась с пистолетом в дрожащей руке, указательный палец лежал на спусковом крючке.

«Я застрелю вас. Вы явились, чтобы убить нас! – кричала женщина, ее голос дрожал от страха и ярости. – Саша, отдай письмо назад, оно отравлено!»⁴.

В отчаянной попытке успокоить их посетитель выхватил письмо у пожилого человека и вскрыл конверт. Он энергично потер ладони о конверт и его содержимое, а затем лизнул обе руки. «Видите, если бы письмо было отравлено, – заявил он, – я бы так не сделал».

Двадцать лет спустя Феоктистов, к тому времени уже вышедший в отставку офицер КГБ, чуть улыбался, вспоминая эту мелодраматическую сцену, когда он стоял в квартире в Анн-Арборе, уставившись на дуло заряженного револьвера.

Он сказал, что указания по проведению операции не подготовили его к агрессивной защите, которая выработалась у Марии Орловой за тридцать лет американского изгнания. Поэтому, оказавшись лицом к лицу с вооруженной револьвером женщиной, он мог лишь безмолвствовать, когда она стала торопливо выталкивать своего сопротивлявшегося мужа из комнаты.

«Но, Мария, я хочу поговорить с ним», – протестовал Александр Орлов. «Нет, он уничтожит тебя», – возражала Мария.

Как вспоминал Феоктистов, пожилой человек повернулся к нему и повторил: «Я хочу поговорить с вами. Позвоните мне сразу же из телефонной будки на другой стороне улицы». Тут Мария приказала Феоктистову встать лицом к стене с поднятыми руками. «Она профессионально обыскала меня, как какой-нибудь полицейский», – вспоминал он с улыбкой.

«Вы прекрасно понимаете, кого вы разыскивали, – обличала его жена Орлова. – Люди, подобные нам, ненавидят КГБ, – продолжала она на грани истерики. – Мы убили бы вас, если бы смогли. Мы намерены немедленно сообщить обо всем американским властям».

«Успокойтесь, Мария Владиславовна», – без конца повторял Феоктистов обезумевшей от страха женщине. Он заверил ее, что в Советском Союзе Орловых больше не считают предателями и что ни он, ни КГБ не собираются причинять им никакого вреда. Несколько раз он принимался объяснять, что намеревался лишь доставить письмо от старого соратника ее мужа по гражданской войне в Испании. Для большей убедительности Феоктистов добавил, что у него также есть вести от ее сестер, проживающих в Москве, и спросил, не хочет ли она их услышать.

«Я ничего не желаю слышать о сестрах от вас, – резко отвечала г-жа Орлова. – Оставьте моих сестер в покое»⁵.

«Вам больше нет дела до своих сестер?» – упорно продолжал Феоктистов.

«Знаю я, как советские граждане сначала получают письма из-за границы, а потом обвиняются во всех смертных грехах из-за связи с заграницей», – выпалила в ответ г-жа Орлова. Однако упоминание о сестрах, с которыми она не виделась более тридцати лет, по-видимому, что-то пробудило в ней. По словам Феоктистова, она неожиданно спросила у него имя его дяди. Когда он сообщил, что звали его Дмитрий Петрович Феоктистов и что он был заместителем начальника Управления делами Совета народных комиссаров, она сказала, что знала его.

Заметив недавний номер газеты «Правда» на столе возле журнала «Коммунист» с чернильным пятном на обложке, Феоктистов воспользовался временным затишьем в приступе гнева г-жи Орловой, чтобы попытаться ее урезонить. Орловы, очевидно, проявляют большой интерес к Советскому Союзу, сказал он, указывая на журнал. Мария стала уверять, что это

выражается лишь в том, что они берут газеты и журналы на дом в местной библиотеке. Затем она напустилась на советских лидеров послевоенного периода.

Она была особенно недовольна заявлением Никиты Хрущева во время его пребывания в Соединенных Штатах, когда он сказал, что хотел бы, выйдя на пенсию, жить на американской ферме, если бы это позволил Центральный комитет. Это Мария Орлова считала «крайне непатриотичным заявлением, недостойным руководителя великого народа». Феоктистов сделал вывод, что г-жа Орлова была, по всей видимости, убежденной русской патриоткой, и у него появилась надежда, что он еще сможет завоевать ее доверие. Однако это было нелегко сделать, поскольку г-жа Орлова все еще угрожающе размахивала револьвером, и он был вынужден отступить из квартиры в коридор. Феоктистов встревожился, когда в коридор неожиданно вышел один из соседей. Хотя Мария Орлова успела спрятать револьвер под передником, он боялся, что револьвер может выстрелить случайно⁶.

«У меня, кроме Саши, никого нет», – продолжала бушевать г-жа Орлова, рассказывая Феоктистову о том, как в 1940 году умерла их больная семнадцатилетняя дочь. Это произошло всего через четыре года после того, как они были вынуждены спасаться бегством в Соединенные Штаты от сталинских «отрядов смерти». Феоктистов узнал также, что Орловы жили без работы в течение четырнадцати лет. Мария рассказала ему, что, когда денежные сбережения подошли к концу, им пришлось питаться одними кукурузными хлопьями. Они не имели возможности нормально жить вплоть до 1953 года, когда получили гонорар за книгу Орлова «Тайная история преступлений Сталина», послужившую основанием для сенсационных заголовков в прессе после ее опубликования отдельными сериями в журнале «Лайф». Печальный рассказ о тяготах жизни Орловых не содержал важных сведений, собрать которые было поручено Феоктистову, но это были те немногие существенные подробности, о которых он мог доложить Москве после своего возвращения в Нью-Йорк. (Как ни удивительно, но в досье архивов КГБ не упоминается о том, что г-жа Орлова угрожала ему револьвером. Феоктистов объяснил, что он не упомянул об этом факте, поскольку не хотел рисковать возможностью еще раз встретиться с Орловыми⁷.)

«Беседа наша была напряженной, – вспоминал Феоктистов, – и временами Орлова собиралась уходить, но все-таки оставалась, как будто что-то притягивало ее ко мне». В своем официальном докладе он утверждал, что после часового противостояния лед недоверия г-жи Орловой несколько растаял. Однако ему не удалось уговорить женщину разрешить встретиться с ее супругом в тот день еще раз, и, посчитав, что сейчас он больше уже ничего не узнает, завершил встречу, передав ей привет от сестер. Он заверил Орлову, что у них все благополучно и что в Советском Союзе у них хорошая работа. Это лишь вызвало у Орловой новый прилив враждебности, и она грубо отрезала: «Это не может быть правдой».

«Вы сорвали все наши планы! Вы нам все испортили!» – кричала г-жа Орлова, отступая в глубь квартиры. Но Феоктистов обратил внимание на сказанную ею прощальную фразу: «Тем не менее у меня появилось к вам некоторое уважение».

Затем Мария Орлова резко захлопнула дверь перед носом Феоктистова. Направляясь к лифту, он услышал, как запирались прочные замки квартиры 703. По словам Феоктистова, пока он не вышел в вестибюль, он не был уверен, что Мария Орлова не подняла тревогу и что внизу его не ожидает полиция. К его облегчению, в подъезде было пусто, за исключением привратника в форме, который не обратил на него никакого внимания.

Снова оказавшись на Стейт-стрит, Феоктистов поднял воротник пальто, чтобы защититься от ветра, и направился в сторону студенческого городка. Он поглядывал по сторонам, разыскивая телефон, и нашел будку, за которой, судя по всему, не было наблюдения. Феоктистов набрал номер 665-47-81 и с облегчением услышал голос Орлова. В отличие от своей жены, настроенной явно враждебно, Орлов сразу же дал понять, что готов побеседовать.

«Бог мой, опять вы! Ну, здравствуйте еще раз! Мне так жаль, что Мария не дала нам поговорить и я не смог вас принять», – вспоминал Феоктистов слова Орлова, чей печальный голос ясно показывал, что у него не было враждебности к посетителю. Как рассказывал Феоктистов, момент наибольшей откровенности наступил тогда, когда Орлов спросил: «Скажите мне, вы – мой коллега?»

Феоктистов считал этот вопрос весьма важным. Тщательно подбирая слова, он постарался заверить Орлова, что его по-прежнему считают преданным товарищем те «старые друзья, которые его знали». Феоктистов упорно проводил эту мысль, убеждая Орлова, что ему действительно было поручено лишь передать весточку от «старых друзей», благодарных Орлову за то, что он остался «истинным патриотом». Друзья желали ему «доброго здоровья» и интересовались его «жизнем-бытьем». Феоктистов спросил у Орлова, нельзя ли им встретиться, на что тот уклончиво ответил: «Давайте поговорим по телефону».

Прошло более трех десятков лет с тех пор, как старый чекист последний раз виделся с представителями советской разведки, и Феоктистов, разумеется, хотел вытянуть все что можно из сохранившегося в памяти Орлова. Летом 1938 года, когда Орлов находился на вершине своей карьеры, руководя секретной работой в Испании, и пользовался доверием Сталина, он бежал в Соединенные Штаты.

Орлов имел специальное звание майора госбезопасности в соответствии с приказом № 832/А от 14 декабря 1935 г. и был награжден орденом Ленина. В то время это звание офицера НКВД приравнялось к комбригу Красной Армии. По нынешней табели о рангах его звание было бы равно генерал-майору или бригадному генералу сухопутных войск США. Таким образом, в историческом плане Орлов и по сей день остается самым старшим по званию из всех офицеров советской разведки, которые когда-либо бежали на Запад, прихватив с собой множество секретных сведений и имен нелегальных сотрудников советских агентурных сетей. Феоктистов надеялся узнать, не предал ли Орлов кого-либо из этих агентов в ходе допросов в ФБР и ЦРУ. Поэтому в ответ на вопрос Орлова «Что вы хотите узнать?» он одобряюще предложил ему рассказать «обо всем – о жизни, о здоровье, о своей работе»⁸.

«Я в добром здравии, но жизнь здесь скучная, – сказал Орлов, тщательно избегая говорить по телефону о чем-либо, кроме общих тем. – Сейчас я не работаю, да у меня никогда и не было постоянной работы в Соединенных Штатах, – рассказывал Орлов Феоктистову. – Людям вроде нас они не доверяют».

Эти слова Орлова удивления не вызывали – ведь и в СССР не всегда доверяли полностью перебежчикам с Запада. Но когда он стал объяснять причину своих публичных заявлений, Феоктистов понял, что Орлов через него пытается заверить КГБ в том, что он не продался американцам.

«Как вам известно, я написал две книги», – сказал Орлов Феоктистову. Он назвал «Тайную историю преступлений Сталина» «криком души», попыткой раскрыть факты, относящиеся к восхождению тирана на вершину власти. По мнению Орлова, это было важно с исторической точки зрения, поскольку информация была известна ему как высокопоставленному сотруднику советской разведки. О других фактах поведал ему брат жены Сталина, Павел Аллилуев, с которым Орлов работал в Германии в конце 20-х годов. Более того, по словам Орлова, он лично знал Сталина еще до своего назначения в Испанию.

«Кроме того, что я написал, я ничего больше не знаю, – заверял Феоктистова Орлов, – но вы можете быть уверены, что ничего из написанного мною не выдуманно». В 1953 году темой для заголовков в мировой прессе стал его рассказ о ледящих кровях преступлениях Сталина, в котором подробно описывалось, как были организованы московские показательные процессы, положившие начало «великой чистке». Публикация книги впервые привлекла к Орлову внимание ФБР после того, как он и его жена четырнадцать лет прожили изгнанниками в Соединенных Штатах.

«Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны», появившееся десять лет спустя, не вызвало такого внимания у публики, как первая книга. По словам Феоктистова, Орлов заверил его, что в этой книге он опирался лишь на хорошо известные факты и случаи и не выдал никаких секретов. «Книга эта основывалась на чисто технических данных» и, по мнению Орлова, «могла бы быть переведена в Советском Союзе и использована в качестве практического руководства». Таким образом, говорил Орлов Феоктистову, он надеялся «оказать небольшую услугу моей стране».

Феоктистов вспоминал, как он попросил у Орлова экземпляр этой книги с автографом. Однако тот проигнорировал эту попытку получить приглашение зайти к нему, чтобы взять книгу и воспользоваться этим для беседы в более приватной обстановке. Орлов также не был готов рассказать ему более того, что он уже поведал американцам о своей карьере в секретной службе Советского Союза.

«Собственно говоря, наш телефонный разговор закончился, как только я стал настаивать на личной встрече и беседе», – заметил Феоктистов. По его словам, Орлов ответил тогда уклончиво, сказав, что «было бы бесполезно назначать сейчас место встречи там-то и тогда-то», но что он приветствовал бы приход Феоктистова позднее для продолжения беседы.

«В тот же день на автобусе компании «Грейхаунд» я добрался из Анн-Арбора до Чикаго, откуда самолетом вернулся в Нью-Йорк», – вспоминал Феоктистов. В своем докладе Центру, который был подписан им оперативным псевдонимом «Георг», он смягчил краски чрезмерно эмоционального поведения Марии Орловой. Феоктистов утверждал в отчете, что у этой дамы «нервы взвинчены до предела» и что, по его мнению, ее реакция объяснялась «некоторой неуравновешенностью характера». Как он выразился в интервью: «Я ничуть не сомневался в том, что она в меня не выстрелит. В противном случае я действовал бы по-другому!»⁹.

Феоктистов умышленно оставил у Орлова впечатление, будто он намерен вернуться в Анн-Арбор до конца 1969 года. Однако он лишь три месяца спустя получил из Москвы разрешение на возобновление контакта с Орловым. Но в феврале 1970 года, когда Феоктистов вновь приехал в Мичиган, он обнаружил, что вскоре после его посещения Орловы уехали из Анн-Арбора. Это подтвердили и на экономическом факультете, и соседи Орловых по Мэйнардхаусу. Ни они, ни привратник не могли дать ему нового адреса Орловых.

Бывший разведчик и его жена вновь ушли в подполье.

Феоктистов возвратился в Нью-Йорк с пустыми руками и сообщил в Москву, что необходимо начать все сначала, чтобы выследить Орловых. Возобновив свою работу-прикрытие в качестве переводчика в советском представительстве при ООН, он стал ждать указаний из Центра. Прошло полтора года, прежде чем Феоктистову вновь поручили «взять след». По его мнению, причиной столь долгой отсрочки возобновления операции послужила обеспокоенность Москвы тем, что бегство Орловых из Анн-Арбора показывало, насколько они были встревожены, когда спустя тридцать лет их нашел представитель КГБ. Хотя в деле Орлова не указывается причин отсрочки проведения операции, совершенно ясно, что советская разведка не хотела запугать его до такой степени, чтобы он отправился в ФБР или ЦРУ с чистосердечным признанием. Такие последствия поставили бы крест на миссии, возложенной на Феоктистова, в отличие от тактики выжидания, рассчитанной на то, что со временем Орловы успокоятся, видя, что им ничто не грозит.

И действительно, неожиданное появление в квартире Орловых сотрудника КГБ «испортило все» даже в большей степени, чем напороочила ее хозяйка. Визит Феоктистова поставил Орловых перед опасной дилеммой. Это советский разведчик понял полтора года спустя во время их второго свидания. Тогда Орлов рассказал ему, что в первую встречу, в 1969 году, он не мог игнорировать возможность того, что незваный гость был агентом-provokatorом из ФБР, посланным под видом офицера КГБ, чтобы заставить его выдать секреты, которые до тех пор Орлов скрывал от американцев. Он сказал Феоктистову, что в 1969 году у него не было иного

выбора, кроме как доложить ФБР о своей встрече с советским разведчиком. Сохранившаяся у Орловых преданность Родине объясняет тот факт, что их сообщение американцам так разительно отличалось от изложения события Феоктистовым. Хотя версия ФБР все еще не рассекречена полностью, в резюме опубликованных документов сената США содержится рассказ г-жи Орловой, описавшей свое героическое двухчасовое «противостояние», которое, по ее словам, имело место в коридоре Мэйнард-хауса¹⁰. Как утверждали Орловы, они так и не разрешили агенту КГБ переступить порог их квартиры. Не сообщил Орлов своим американским покровителям и о том, что агент КГБ именно по его, Орлова, просьбе позвонил ему позднее по телефону. По словам Орлова, он сразу же положил трубку, как только Феоктистов позвонил, упрекая за отказ принять его у себя на квартире. Г-жа Орлова тоже «забыла» рассказать ФБР о том, как она держала Феоктистова под дулом револьвера. Все это тем более странно, что Мария Орлова страдала заболеванием сердца и ее состояние ухудшилось из-за постоянного страха, что раскрытие местопребывания семьи Орловых было прелюдией к их физическому уничтожению органами госбезопасности. И не удивительно, что теперь, когда КГБ стало известно их местопребывание, Орловы последовали совету ФБР уехать из Анн-Арбора и в целях собственной безопасности «лечь на дно».

«Если у Советов и есть скрытые мотивы в отношении Орловых, это никак не проявилось на сегодняшний день», – решило ФБР. Как сотрудник ООН Феоктистов не подвергался ограничениям в передвижениях, и его подход «не был незаконным», поскольку он не пытался «завербовать или угрожать» Орловым. Как следует из этого доклада, у ФБР не было никаких причин сомневаться, что Орловы говорили чистую правду о происшедшем между ними и визитером. Секретные данные 1938 года об аппарате советской разведки, которыми располагал Орлов, по прошествии более чем тридцати лет, к 1969 году, утратили свою актуальность, однако ФБР не исключало возможности его убийства с целью сведения старых счетов. Постоянный страх перед длинной рукой возмездия из Москвы заставил Орловых жить в изгнании под чужим именем. Когда в 1955 и 1957 годах Орлов и его жена давали показания в подкомитете по внутренней безопасности сената США, вся официальная переписка с ними велась через их нью-йоркского адвоката.

После смерти Александра Орлова в 1973 году сенат США даже отдал ему дань восхищения. Сенатор Джеймс Истленд превознес до небес бывшего сталинского супершпиона, чье проживание в Америке было узаконено специальным актом конгресса США как «одного из наиболее важных свидетелей», дававших показания в то время, когда Истленд возглавлял сенатский подкомитет по внутренней безопасности. Назвав Орлова «самым высокопоставленным офицером советской разведки из всех когда-либо перешедших на сторону свободного мира», Истленд заявил, что генерал оставил после себя «бесценное наследие в виде свидетельских показаний, рассказав как о внутренней системе, так и о целях коммунистического заговора, а также о деятельности коммунистического аппарата в смежных областях шпионажа и подрывной работы».

Истленд говорил: «Если и был в этом какой-то порок, то он относился не к Орлову, а к глубоко аморальной системе, от которой он отрекся. Этот бывший советский разведчик производил незабываемое впечатление, – утверждал сенатор. – Даже само слово «перебежчик» было до нелепости неуместным, когда его связывали с именем Орлова»¹¹.

Насколько в действительности неуместно называть Орлова «перебежчиком», показывают архивные документы КГБ, в деталях описывающие важность и масштабы секретов советской разведки, которые он намеренно утаил от американцев. Документы показывают, что хвalebная речь сенатора Истленда, опубликованная по специальному распоряжению сената под заголовком «Наследие Александра Орлова», была не вполне уместна. Настоящие «честные» советские перебежчики прибывали на Запад после коренной перемены своей лояльности к советскому строю. Всем контрразведчикам приходится задавать себе извечные вопросы: «Следует ли им

верить?» и «Не засланы ли они?» В случае с Орловым сейчас есть все основания действительно сомневаться в том, что сталинский мастер шпионажа вообще когда-либо был перебежчиком в истинном смысле этого слова. Ни в одном из документов, полученных из архивов в соответствии с законом о свободе информации и отражающих лишь небольшую часть записей о сотнях часов показаний, которые Орлов давал сотрудникам ФБР и ЦРУ, не содержится никаких указаний на то, что он когда-либо, хотя бы в малейшей степени, обнаружил свою действительную осведомленность о тайной стороне деятельности советской разведывательной службы. Несмотря на то, что большая часть этих документов все еще остается засекреченной, совершенно очевидно, что Орлов не раскрыл ни одного из звеньев агентурной сети внедрения, к созданию которой, как показывает его дело из архивов КГБ, он до «побега» имел самое непосредственное отношение. Это видно из того, что некоторые из завербованных им агентов продолжали работать на советское государство на протяжении почти всех 60-х годов. Сейчас есть все основания считать, что та информация, которую Орлов предоставил американцам, была тщательно продуманной уловкой с целью скорее скрыть, чем разгласить наиболее важные секреты, которые он знал. Несмотря на похвалы, расточавшиеся в его адрес сенатором Истлендом, Орлов, как сейчас выясняется, не отрекался от своей веры в идеалы ленинской коммунистической революции и никогда не был перебежчиком – он был всего лишь беженцем, спасавшимся от сталинского режима¹².

Даже у официальных лиц из ФБР и ЦРУ, которые на протяжении долгого времени, исполняя свой профессиональный долг, проводили допросы Орлова и консультации с ним, всегда присутствовало подозрение, что он придерживается некоторые из своих наиболее важных тайн. Для перебежчиков было характерно сохранять в запасе часть информации, чтобы иметь в будущем кусок хлеба, а Орлов был особенно сдержанным. Следователи ЦРУ признавали, что у них вызывала беспокойство широкая осведомленность Орлова о Великобритании, которую он, по его собственному утверждению, приобрел, читая документы, передававшиеся в Центр советскими агентами, работавшими в Лондоне в 30-х годах. Казалось, Орлов был до мелочей знаком с месторасположением и внешним обликом правительственных зданий в Лондоне, и не похоже было, что познания такого рода были приобретены лишь в результате чтения поступавших в Москву донесений. Однако он так и не признался, что когда-либо бывал в Англии, и было бесполезно пытаться получить от него какие-нибудь сведения, когда речь заходила о советских разведывательных операциях в странах Европы, в которых он участвовал до своего назначения в Испанию в 1936 году¹³.

Всегда присутствовало сомнение, что Орлов, неоднократно заявлявший о своей антикоммунистической позиции и лояльности по отношению к Соединенным Штатам, замалчивал важные секретные сведения по идеологическим соображениям, а имена советских агентов не раскрывал из чувства долга. Остается неясным, подозревали ли офицеры американской контрразведки, изучавшие донесения Орловых об их встрече с Феоктистовым, что истинная причина попытки КГБ восстановить контакт после многолетнего перерыва заключалась в стремлении убедиться в том, что Орлов не выдал американцам наиболее существенные секретные данные советской разведки.

Девятитомное досье Орлова из архивов КГБ не только впервые раскрывает, что же это были за секретные сведения, но и объясняет, почему по истечении четверти века было принято решение разыскать его. Подлинным «наследием Александра Орлова» являются архивные материалы, которые надежно хранятся в подвалах бывшего 1-го Главного управления КГБ в Ясенево¹⁴.

Досье Орлова – это поразительный документ, в котором можно найти сведения об операциях международного шпионажа и дезинформации, задуманных и осуществленных под личным руководством аса разведки, окончившего свои дни изгнанником из Отечества, служение

которому было его целью¹⁵. Досье показывает, как приверженность Александра Орлова идеалам коммунизма в конечном итоге оказалась для него такой же роковой иллюзией, как и все хитросплетения против Запада, на разработку которых он потратил половину своей жизни.

Глава 2

От гимназии до ЧК

Игорь Константинович Берг – этим именем чаще всего пользовался Орлов в Америке, чтобы скрыть подлинную личность одного из самых известных ветеранов советской разведслужбы в изгнании. Для человека, который за свою карьеру советского мастера шпионажа сменил множество псевдонимов, надевать чужую личину было такой же привычкой, как для человека более мирной профессии – ежедневно менять галстуки, отправляясь на работу. Одно лишь его досье из архивов ФБР показывает, что в период пребывания в убежище в Соединенных Штатах он использовал не менее восьми разных имен. Если числом вымышленных фамилий измерять многоликость шпиона, то еще десяток псевдонимов, которые обнаруживаются в архивах КГБ, показывают, насколько сложной была маскировка Орлова. Однако, чтобы рассказать историю поразительной карьеры этого человека, мы будем называть его Александр Михайлович Орлов, то есть воспользуемся фамилией, которой он пользовался при выполнении своего последнего задания на посту руководителя советской разведки в Испании и под которой он лучше всего известен историкам¹.

Орлов сказал Феоктистову, что этот псевдоним присвоил ему лично Сталин. Однако в данном под присягой заявлении Службе иммиграции и натурализации он утверждал, что фамилию Орлов дал ему Максим Литвинов, министр иностранных дел, потому что по пути в Испанию ему нужно было пересечь границу гитлеровской Германии, где его прежняя фамилия была известна немецкому гестапо². Это лишь одно из несоответствий, всплывших на поверхность при анализе истории Орлова. Можно предположить, что он не хотел раскрывать, что знал Сталина лично, и ему было желательно казаться менее значительным, чем он был на самом деле. Хотя между версией, которую он дал американцам, и документами из архивов КГБ имеется немало существенных противоречий, но в данных о его дате рождения и настоящем имени никаких расхождений не отмечается. Он родился в белорусском городе Бобруйске 21 августа 1895 г. в семье Лазаря и Анны Фельдбиных, назвавших своего сына Лейбой. Как видно из его досье, хранящегося в ФБР, у него была сестра, которая стала впоследствии зубным врачом в Москве и умерла в 1918 году³. Их отец родился в многодетной семье евреев-ашкенази, переселившейся из Австрии в лесную глубинку европейской части России на изломе XVIII века, незадолго до злополучного похода Наполеона на Москву⁴.

Разгром французов сопровождался для растущего еврейского сообщества в России периодом относительной свободы от царских погромов, в течение которого дед Орлова с отцовской стороны создал процветающее лесопромышленное коммерческое предприятие, стал одним из столпов бобруйской синагоги и одним из ее главных благодетелей. В 1885 году он ездил в Палестину с делегацией русских евреев, чтобы купить там землю во время *Aliya Rishona* – первой волны эмиграции, воодушевленной призывом «*Beth Ya'akov lehu venelha*» («Дети Иакова, идемте!»). Дедушка Фельдбин вложил большие средства в покупку участка болотистой земли, названного «Врата надежды», в расчете на то, что его можно будет осушить и основать там поселение. В последние годы жизни Орлов с гордостью вспоминал, что его семья внесла свой вклад в создание государства Израиль в виде земельного участка, на котором был построен процветающий город Петах-Тиква⁵.

Хотя Орлов рос в последние десятилетия царского правления, его семья сохраняла прочные религиозные устои, несмотря на возобновившиеся погромы и волну антисемитизма. Семьи русских евреев, надеявшиеся построить лучшую жизнь, сталкивались с преследованиями и попадали под действие дискриминационных законов, запрещающих религиозным меньшин-

ствам доступ в верхние эшелоны имперской бюрократии, к определенным профессиям и службе в Вооруженных силах. Фельдбины передали веру своим детям как нечто большее, чем драгоценное духовное наследие; для Орлова это стало движущей силой в развитии личности и формировании характера. Это позволило ему пережить трудные времена, наставшие после того, как его семья решила остаться в России после неудачной попытки революционного переворота 1905 года, когда тетушки, дядюшки и двоюродные братья и сестры Фельдбиных предпочли присоединиться к массовому исходу в Соединенные Штаты⁶.

Среди тех, кто эмигрировал из Бобруйска и достиг положения в Америке, были многочисленные кузены, его друзья детства, самыми примечательными из которых были Исаак Рабинович, ставший попечителем нью-йоркского университета Брандиса, и Натан Курник, превратившийся в преуспевающего бизнесмена. Когда впоследствии Орлов оказался в изгнании в Америке, он обнаружил, что родственники, старые друзья, в том числе и его одноклассник Борис Розовский, были готовы оказать ему поддержку.

Розовский вспоминал, что в детстве ребята любили играть с Орловым, потому что он был предприимчивым, смекалистым и вообще прирожденным лидером. В первом томе его дела из архивов КГБ имеется портрет Орлова в подростковом возрасте, изготовленный бобруйским фотографом. На нем изображен молодой человек в сюртуке с высоким воротничком, с аккуратно разделенными пробором волосами, полными губами и торчащими ушами. Слегка насмешливое выражение лица и уверенный взгляд дают основания предполагать, что даже в годы ранней юности Орлов не страдал отсутствием самоуверенности. По словам Розовского, он был «одним из лучших учеников в школе», к тому же «весьма неплохим художником». Ближайший друг его мальчишеских лет рассказывал в ФБР, что Орлов был «хорошим гимнастом и прекрасно играл в футбол». Он вспоминал, как Орлов влюбился тогда в его сестру, хотя в социальном плане между их семьями лежала глубокая пропасть: родители Орлова были «довольно бедны», отец был всего-навсего агентом в лесоторговле, тогда как Розовские были богаты и владели несколькими фабриками. Розовский отмечает, однако, что Орловы были «очень религиозны» и что в их доме «не было ни пылинки»⁷.

Как это часто бывает с детьми, Орлова тянуло проводить время в более комфортабельной обстановке дома Розовских. По-видимому, на него производила впечатление разница в их социальном положении, и он всегда просил мать своего друга разрешить ему посмотреть на стол, который накрывали в ожидании важных гостей. Борис вспоминал, что его лучший товарищ Лейба «испытал чувство обиды и зависти» из-за того, что Розовские были богаты, «но в то же время он был джентльменом и говорил об этом так, чтобы никого не обидеть». Их дружба продолжалась все детство и раннюю юность. Розовский рассказывал, как Орлов спас его, когда он однажды летним днем 1913 года тонул, упав в реку во время катания на лодке. Храбрость Орлова никогда не была безрассудной, по словам Розовского, но опиралась на острый ум, который произвел впечатление на рабби, изучавшего с ними Тору, и дал ему возможность с блеском закончить школу⁸.

Орлов оставался близким другом Розовского до 1915 года, когда спад экономики военного времени вынудил его отца оставить лесоторговлю и перебраться в Москву в поисках более прибыльной работы. Школьные успехи Орлова и способность к рисованию помогли ему поступить в Лазаревский институт, где он проявил свои способности в изучении не только учебных дисциплин, но и прикладного искусства. Это учебное заведение было основано двумя братьями-армянами по фамилии Лазарян, которые готовили своих воспитанников к дипломатической и консульской службе. Впоследствии оно было преобразовано в Институт восточных языков⁹. Именно там Орлов крепко подружился с Зиновием Борисовичем Кацнельсоном, одним из кузенов, с которым они вместе жили в небольшой квартирке. Зиновий был не менее способным учеником. Одними из лучших они закончили институт, но оставили искусство,

предпочтя ему более солидную карьеру, и поступили в Школу правоведения при Московском университете, одно из прославленных учебных заведений царской России. Не успели они приступить к изучению курса юриспруденции, как их учеба была прервана в 1916 году, и оба были призваны в армию. Ни один из них не участвовал в боевых действиях. В год накануне революции они – рядовые пехотинцы – были, к своему счастью, прикомандированы к 104-му полку, который находился в резерве и дислоцировался на Урал¹⁰.

Когда Орлов был мальчиком, он мечтал о том, как станет взрослым и поведет в бой лихой кавалерийский отряд, и лишь позднее обнаружил, что его мечты были напрасны, потому что евреям невозможно было получить офицерское звание, не говоря уже о том, чтобы попасть в элитные подразделения царской армии. Однако для него открылась возможность сделать желанную военную карьеру в феврале 1917 года после отречения Николая II благодаря реформам Временного правительства. В марте 1917 года Фельдбин успешно прошел курс обучения в школе прапорщиков и к маю попытал счастья с радикал-революционерами, вступив в одну из фракций Российской социал-демократической рабочей партии. Орлов присоединился не к ленинской фракции большевиков, а к другой фракции РСДРП, которой руководил Соломон Абрамович Лозовский, впоследствии ставший генеральным секретарем Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов). В качестве члена так называемой «группы интернационалистов» Лозовского Орлов завязал множество полезных контактов в революционных движениях и приобрел весьма хорошие знания английского, немецкого и французского языков. Однако, как показывает анкета в его личном досье, он не вступал в члены партии большевиков до 1920 года, когда его рекомендовал В. А. Тер-Ваганян, старый марксист, ставший его другом и политическим наставником¹¹.

«Я верил в программу и обещания Ленина», – этими словами впоследствии Орлов объяснял свое решение стать большевиком. «Я видел в его программе поразительный прогресс по сравнению с феодальным царским режимом, при котором 95 процентов населения были неграмотными, а меньшинства постоянно преследовались на религиозной почве»¹². Как и у многих евреев, которым предстояло сыграть ведущую роль в рождении советского государства, решение Орлова вступить в ряды революционеров было инстинктивной реакцией на погромы царского времени. Хотя он и не был активным участником Октябрьской революции, которая дала возможность ленинской партии большевиков захватить власть, но для него, как и для многих его современников, живших в этот бурный период, восстание было сродни духовному возрождению, причем не только для России, но и в личном плане. Хотя Орлов впоследствии разоблачил Сталина и перегибы его тирании, он до конца своих дней сохранил, подобно Граалю, веру в идеалы марксистско-ленинской революционной доктрины¹³.

Лояльность Орлова, как солдата революции, была вознаграждена назначением на невысокую должность Администрации Ленина, созданной им для того, чтобы взять под контроль своей находившейся в меньшинстве большевистской партии российское правительство и огромный бюрократический аппарат. С ноября 1917 года до середины 1918-го Орлов возглавлял информационную службу Верховного финансового совета. Жизнь гражданского служащего, по видимому, мало привлекала Орлова, как это видно из его досье, и на следующий год он вновь оказался в армии. В новой Красной Армии, во исполнение большевистской политики, направленной на укрепление контроля путем внедрения в ее ряды образованных членов партии, он вступил в офицерский корпус, который подвергся реорганизации в соответствии с директивами народного военного комиссара Л. Д. Троцкого¹⁴.

В 1918 году разразилась кровавая Гражданская война, когда три белогвардейские армии – под командованием адмирала Колчака и генералов Деникина и Юденича – подняли открытые восстания против большевиков и, стремясь восстановить царский режим, двинули войска в центр России из Сибири, с Кавказа и со стороны Финского залива. Послужной список Орлова

показывает, что в 1920 году он был направлен в 12-ю армию на юго-западной границе европейской части России в качестве следователя и заместителя командира «особого отдела» (военной контрразведки). Здесь ему впервые представился случай продемонстрировать свое хладнокровие под огнем в боях с наступающей польской армией. Законность этого иностранного военного вторжения была поддержана так называемой антибольшевистской русской народной армией, набранной Борисом Савинковым, лидером социал-революционной партии и бывшим членом Временного правительства. Цель Савинкова, непримиримого врага Ленина, как и цель других белогвардейских командиров, заключалась в том, чтобы разгромить Красную Армию и прогнать большевиков с помощью вооруженных сил Польни¹⁵.

Русско-польская война принесла Орлову быстрое продвижение по служебной лестнице до руководителя диверсионных операций на юго-западе против польской армии и ее белых союзников. Он лично возглавлял операции на оккупированной поляками территории, устраивая короткие вылазки, в результате которых взрывались мосты, железнодорожные пути, электростанции и выводились из строя телефонные и телеграфные линии. Покрытый густыми лесами, юго-запад России был идеальным местом для проведения подобных операций, поскольку диверсанты могли там незаметно прокрадываться через леса и проникать в тыл противника. Эти операции координировались с действиями 12-й армии, которая полагалась на разведданные Орлова, добытые в ходе таких вылазок. Некоторые из его рейдов в тыл противника проводились с единственной целью – раздобыть вражеские карты, военные планы и данные о численности и расположении польских войск. В таких случаях орловские диверсанты получали задание взять в плен вражеского штабного офицера для получения дополнительной информации¹⁶.

Самым ценным источником информации из всех захваченных во время диверсионных операций Орлова «языков» был занимавший такой же, как и он, пост полковник Сеньковский, который командовал польскими диверсионными отрядами. Как рассказывал Орлов, Красная Армия отступала по всему фронту и Сеньковский лично прибыл на фронт, чтобы непосредственно руководить заброской в русский тыл сорока поляков и русских белогвардейских офицеров. Когда их взяли в плен, они рассказали, что были направлены с целью взять под свое командование 8000 украинских повстанцев и дезертиров, скрывавшихся в лесах. Своевременный захват в плен Сеньковского сорвал польский план бросить эти силы в атаку на тылы 12-й армии. Контрразведывательная операция Орлова принесла ему горячую благодарность от штаба за то, что он помог повернуть на 180 градусов безвыходную военную ситуацию.

Еще одной важной операцией, в которой участвовал Орлов в качестве сотрудника особого отдела 12-й армии, был захват в плен Игнатия Игнатьевича Сосновского. Будучи одним из ведущих офицеров польской военной разведки, он не только стал важной добычей сам по себе, но и был с успехом переведен чекистами. После войны он работал в качестве кадрового офицера контрразведки под именем Добржинский, пока в 1937 году¹⁷ его не расстреляли «за измену».

Орлов часто действовал в тылу врага и лично руководил рискованными операциями. Его отвага и готовность пожертвовать собственной жизнью вдохновляли бойцов, которыми он командовал. Именно в ходе диверсионных операций против антибольшевистских сил и польских войск Орлов приобрел друзей, оказавшихся бесценными союзниками на долгие годы. Одним из них был его шофер Макс Безанов, который впоследствии был надежным источником информации, когда стал личным шофером Сталина¹⁸. Богатый личный опыт, приобретенный во время руководства операциями в ходе русско-польской войны, сделал Орлова одним из признанных экспертов Красной Армии в вопросах контрразведки и диверсионных действий. Своевременно представленная им развединформация сыграла очень важную роль, позволив остановить попытку польской армии продвинуться к Москве летом 1920 года.

Среди бывших офицеров контрразведки Красной Армии, отобранных для того, чтобы играть важную роль в ЧК в послевоенный период, был и Орлов, которому тогда исполнилось 25 лет. О его способностях дал благоприятный отзыв Артур Христианович Артузов, новый начальник контрразведки. Возглавляя особый отдел ЧК 12-й армии, он познакомился с Орловым во время войны с Польшей. Когда Орлов обратился с просьбой о переводе в Москву в декабре 1920 года, его просьба была быстро удовлетворена, и он был откомандирован в формирующиеся подразделения ЧК, на которые возложили ответственность за защиту советских границ.

В начале 1921 года Орлов получил назначение в Архангельск в качестве начальника секретно-оперативной части ЧК. Он стал членом организации, являвшейся в то время одной из элитарных сил советского государства, которая воспитывала горячую преданность и заставляла своих членов гордиться тем, что они защищают революцию. Неподкупная и отличающаяся строгими нравами, она уже хранила традиции, такие, например, как выдача зарплаты своим сотрудникам 20-го числа каждого месяца, в память о 20-м декабря – дате основания ЧК¹⁹.

Поскольку Орлов был оперативным сотрудником, которому приходилось контактировать с иностранцами, от него потребовали взять новую фамилию в соответствии со строгими правилами, введенными Дзержинским в целях защиты безопасности организации. Так Лейба Фельдбин стал Львом Лазаревичем Никольским, получив первый из длинной цепочки псевдонимов. Под этой фамилией Орлова знали в период его следственной работы в контрразведке в Архангельске, который был выбран Дзержинским местом охоты за иностранными шпионами, введенными в период его оккупации союзническими экспедиционными силами в начале Гражданской войны.

1 апреля 1921 г., на новом месте службы, Орлов женился на Марии Владиславовне Рожнецкой. Его невеста, поразительно красивая и умная женщина из Киева, была на восемь лет моложе его. Ей разрешили оставить работу архивариуса в Министерстве иностранных дел для поступления в медицинский институт. В 16 лет она вступила в партию и в 1919 году начала работать в советских учреждениях, а затем ушла добровольно служить в Красную Армию, став канцелярским работником в штабе Юго-Западного фронта, где она впервые встретилась с Орловым. Совершенно необычно для романа, который развивался в условиях войны: взаимная привязанность оказалась прочным союзом, их отношения выстояли во время крушения карьеры Орлова и служили для них обоих эмоциональным якорем спасения в течение почти полувека¹⁹.

Осенью 1921 года молодожены возвратились из Архангельска в Москву. Там Мария поступила на медицинский факультет при 2-м Московском университете, а ее муж вернулся в Школу правоведения и тогда же получил назначение на должность следователя Верховного трибунала ВЦИК. Официально его связь с ЧК закончилась, однако на самом деле это был лишь прием, который Дзержинский использовал для того, чтобы позволить «избранным» чекистам приобрести опыт юридической работы и респектабельность, которые помогли бы им в дальнейшей службе. Коммунисты практиковали также назначение чекистов и партийных функционеров на работу в гражданские учреждения в целях укрепления политической благонадежности их персонала. Таким образом, возобновив заочную учебу в Школе правоведения, Орлов получил возможность закончить ее три года спустя с дипломом юриста.

В Верховном трибунале Орлов работал под началом Николая Васильевича Крыленко, видного юриста и партийного деятеля. Хотя у Орлова еще не было достаточного опыта, он, тем не менее, помогал в составлении первого Уголовного кодекса, введенного в Советском Союзе. Его вклад можно проследить по статьям, появлявшимся в номерах «Еженедельника советской юриспруденции» за 1922 год. Именно в тот период, когда Орлов помогал созданию

прочного правового фундамента советского государства, 1 сентября 1923 г. родилась его дочь Вероника²⁰.

В качестве помощника прокурора и следователя по делам, квалифицируемым как «экономические преступления», вспоминал впоследствии Орлов, ему нередко приходилось представлять дела в тех же судах, что и Андрею Вышинскому, бывшему меньшевику, примкнувшему к победившим коммунистам после революции. Двенадцать лет спустя Вышинский, прирученный партией руководитель юридического факультета Московского университета, приобрел дурную славу как режиссер-постановщик сталинских показательных судебных процессов. Когда они работали вместе в Верховном суде, там не было недостатка в делах, подлежащих уголовному преследованию. Голод и разруха, порожденные двумя с половиной годами Гражданской войны, вскоре вынудили Ленина, всегда отличавшегося прагматизмом, притормозить шествие военного коммунизма, введя так называемую новую экономическую политику, которая частично восстанавливала капитализм и привлекала инвестиции с Запада²¹.

Одним из тех, кому Дзержинский поручил расследование совершившихся на этой почве «проступков», был Орлов, которого в 1923 году пригласили в штаб-квартиру ОГПУ и предложили провести расследование с целью возбуждения судебного преследования по делу о коррупции, связанному с обращением государственной собственности в личную.

Орлов представил свои выводы специальному заседанию Политбюро, на котором присутствовали Сталин и Дзержинский. Хотя расследование было проведено со впечатляющей тщательностью, Сталин с успехом аргументировал отклонение предложенного Орловым вердикта о невиновности. По его глубокому убеждению, увеличение числа смертных приговоров по политическим соображениям послужит мощным сдерживающим фактором для других экономических преступников. Тем не менее на Дзержинского произвело впечатление бесстрашное представление дела его специально подобранным следователем, по его настоянию Орлов возвратился в штаб-квартиру ОГПУ и получил должность в Экономическом управлении, известном как ЭКУ²². Его кузен Зиновий Кацнельсон был в то время уже одним из старших сотрудников этого управления, а поэтому вполне возможно, что он способствовал продвижению Орлова по службе.

В послужном списке Орлова, который находится в первом томе его личного дела, указывается, что в 1924–1925 годах он был назначен помощником начальника ЭКУ, одновременно занимая пост начальника его VII отделения. Он перебрался в кабинет начальника отделения ОГПУ на Лубянке. Великолепное шестиэтажное здание, украшенное причудливыми фронтонами и лепниной, в котором некогда помещалось Всероссийское страховое общество, стало, по иронии судьбы, зловещим архитектурным символом, учитывая страх, который это здание внушало большинству людей. На фотографии того времени Орлов изображен в модной сорочке с пристежным воротничком, со взъерошенными, но редкими волосами и аккуратно подстриженными усами. Он напоминал скорее несколько встревоженного начальника отряда бойскаутов, чем восходящую звезду советской секретной службы. Работая вместе с Андреем Иванчиковым в качестве помощника Григория Благонравова, начальника Экономического управления, Орлов курировал деятельность пяти отделений. Согласно показаниям, которые впоследствии Орлов давал перед сенатом США, Дзержинский возложил на него обязанность «контролировать промышленность и торговлю» наряду с особой ответственностью за «борьбу с коррупцией»²³.

В конце 1925 года Орлов уехал из Москвы в Закавказье. Это срочное назначение было вызвано тем, что его опыт контрразведывательной работы потребовался командованию пограничных войск ОГПУ в Закавказье. Там он был обязан обеспечить надежную охрану границы от любых внешних вторжений, которые помешали бы советским операциям по подавлению

разрастающихся волнений среди вечно беспокойных грузин. Назначение Орлова благословил сын Грузии Сталин²⁴.

Разместив свой штаб в городе Сухуми, Орлов как бригадный командир получил под свое командование шесть полков. Но его войска численностью 11 000 человек были рассредоточены на слишком большой территории. Обеспечивать охрану по всей протяженности южных границ Советского Союза с Персией и Турцией было непростой задачей, поскольку дикая гористая местность была в течение многих веков прибежищем бандитов и мятежников. На этом трудном посту Орлов продемонстрировал свои незаурядные организаторские способности, добиваясь максимальных результатов при наличии минимальных средств. Борьба с мятежниками требовала работы в тесном сотрудничестве с начальником регионального ОГПУ Лаврентием Берией, членом сталинской «грузинской мафии», которого Сталин впоследствии продвинул на должность начальника НКВД.

РОДНОЙ ГОРОД ОРЛОВА: На открытке 1907 года с видом Бобруйск показан квартал, где прошло детство Лейбы Фельдбина (Александр Орлова);

Примерно в это же время его, уверенного в себе молодого человека запечатлел местный фотограф.

В Москве, будучи студентом, он отпустил усы которые сделали молодого революционера похожим на Чаплина

в 1918 год большевики включили его в состав Высшего финансового совета

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ: Красная Армия, комиссаром которой был Лев Троцкий

вела кровавую войну против белых армий и их иностранных союзников

атака на польском фронте, 1921 год

Допрос пленных на Юго-Западном фронте

офицер контрразведки представил Орлова председателю ЧК Ф. Дзержинскому

ОБМАНЩИКИ. И ОБМАНУТЫЕ: Операции «Трест» и «Синдикат» – взаимосвязанные мероприятия, проводившиеся с участием агентов ОГПУ Опперпута/Селянова, – были одними из самых успешных дел, направленных против белогвардейского руководства, находившегося в изгнании.

Селянов

Были нейтрализованы планы генерала Кутепова поднять восстание внутри СССР, а в 1930 году был похищен он сам

генерал Кутепов

шестью годами раньше в Москву заманили и посадили в тюрьму Б. Савинкова.

Б. Савинков (в центре – лысеющий мужчина)

В 1923 году офицер ОГПУ А. Якушев организовал операцию по заманиванию в ловушку легендарного Сиднея Рейли

А. Якушев

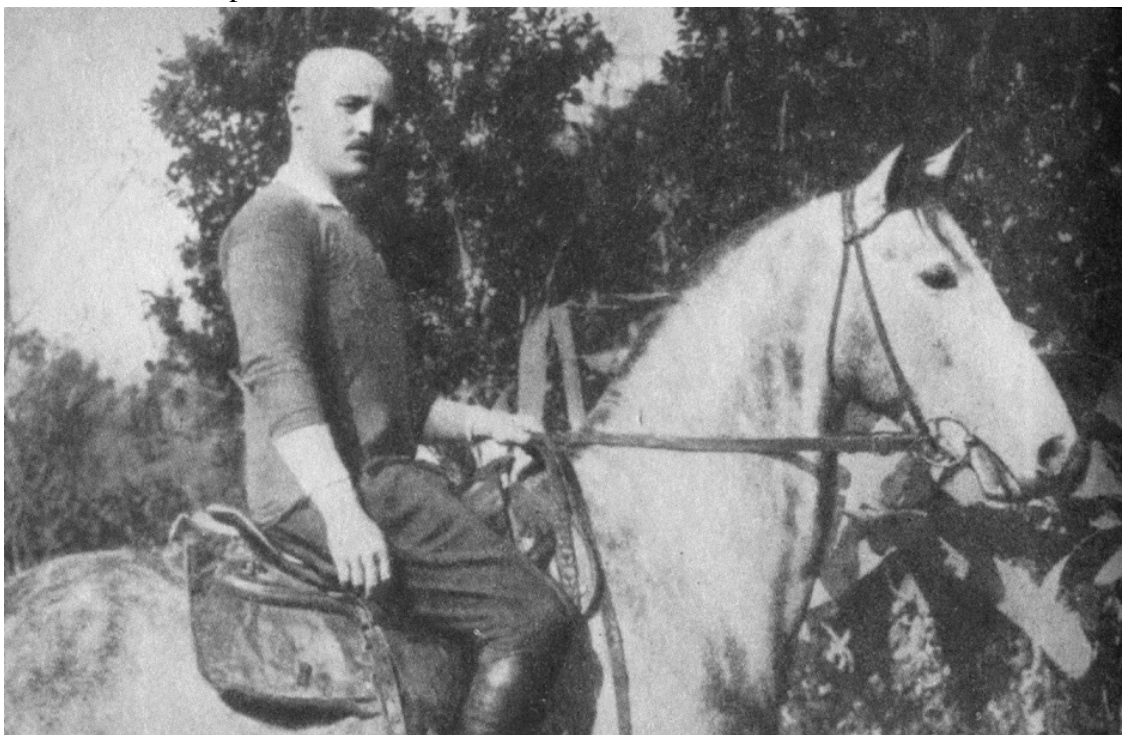
Сидней Рейли

труп британского шпиона-аса был выставлен для обозрения в изоляторе Лубянки.

ВОСХОДЯЩИЕ ЗВЕЗДЫ ОГПУ: В свободное от службы время – в Сухуми.

Бритоголовый Орлов (снимок 1925 года) выглядит так, как подобает суровому командиру сил. закавказских пограничных сил.

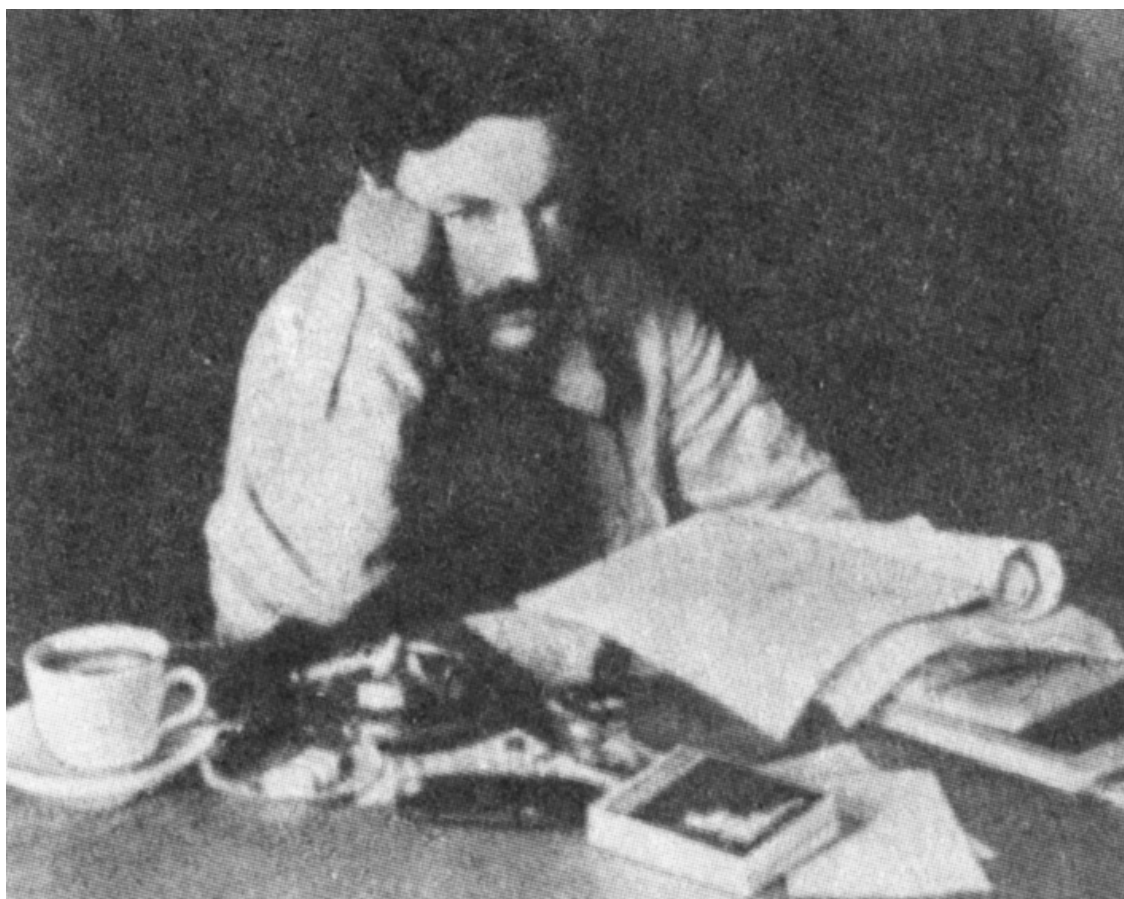

Другой ветеран ЧК – М. Триллисер.

Здание Лубянки: так оно выглядело в 1926 году.

когда начальником ОГПУ стал В. Менжинский

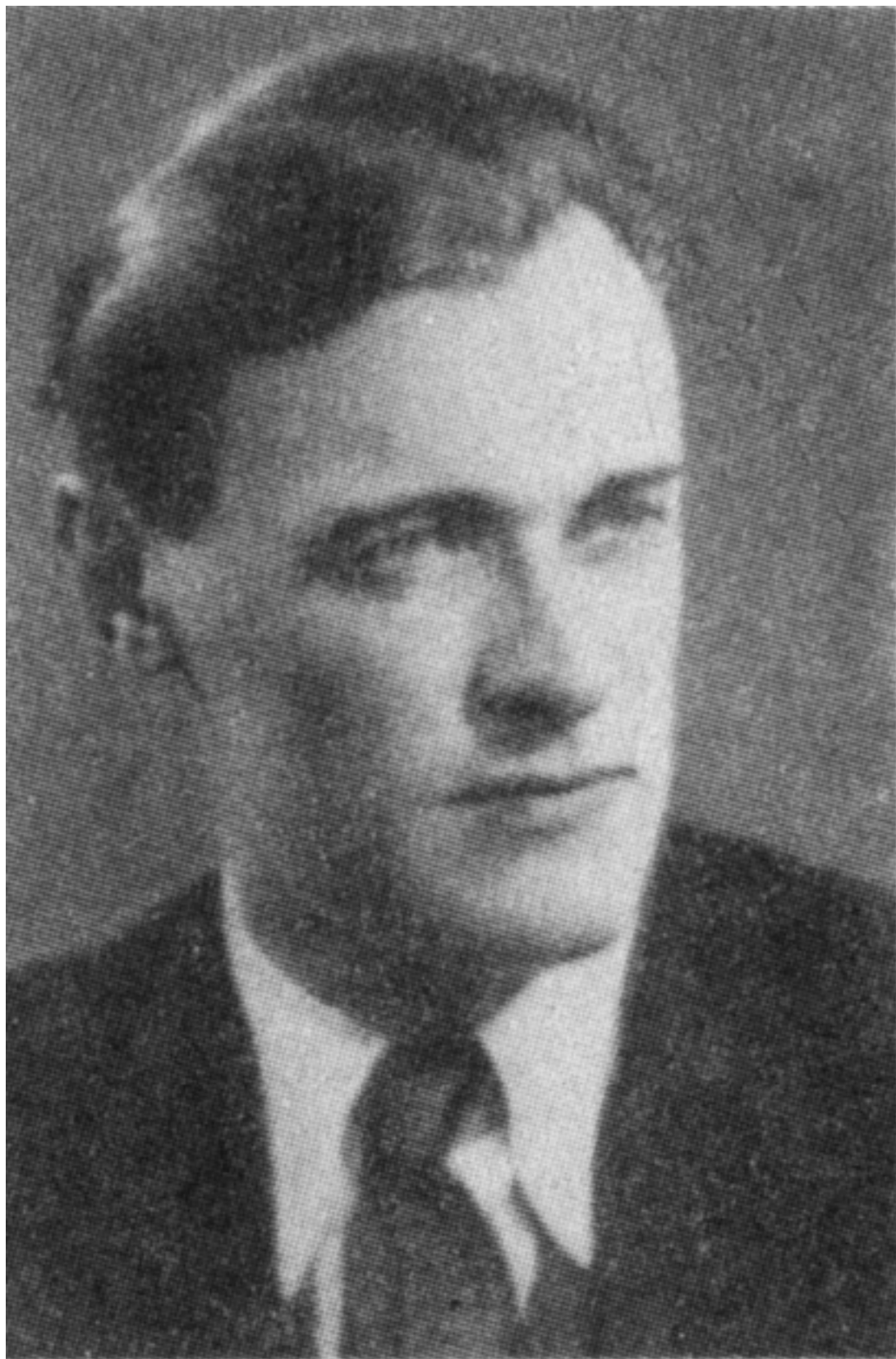
а начальником ИНО – Триллисер

На похоронах Дзержинского гроб нес И. Сталин, а Г. Ягода (второй слева) шествовал за Л. Каменевым (четвертый слева).

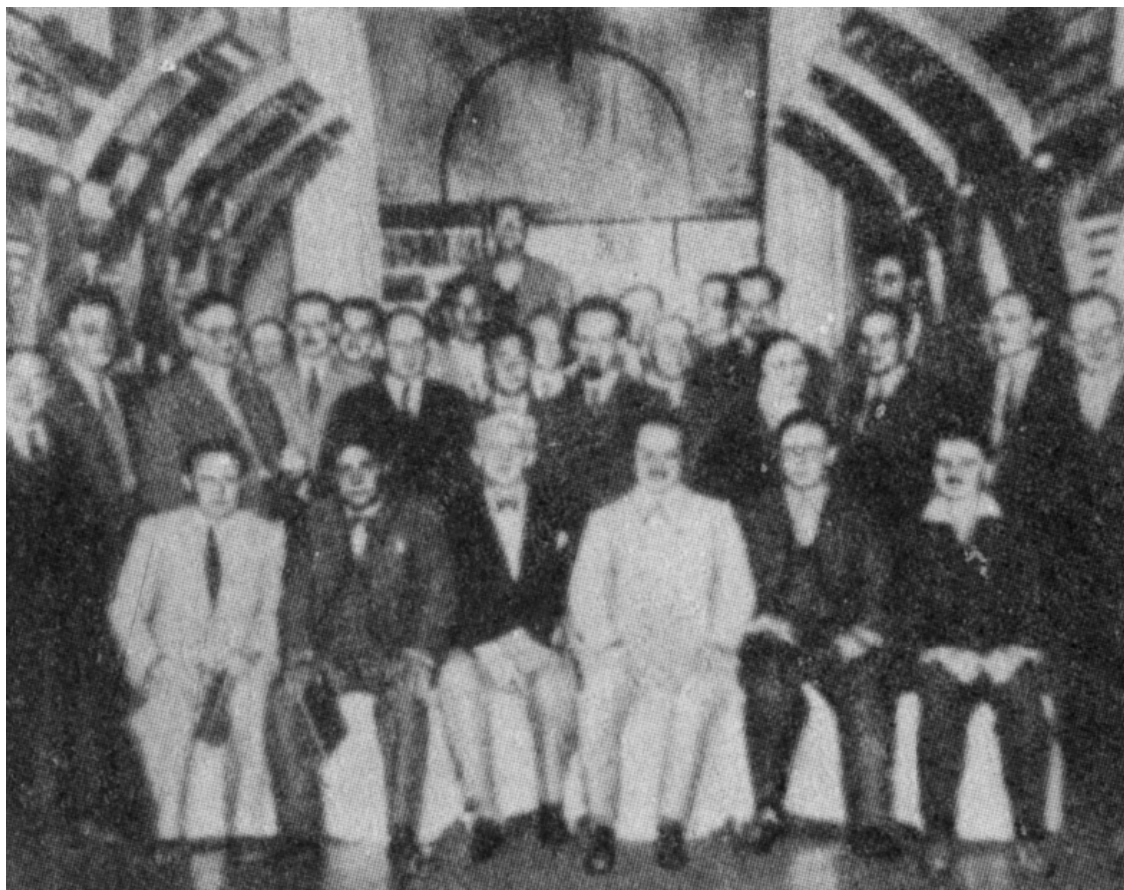

Александр Коротков руководил берлинским отделением «Красной капеллы»,

Александр Коротков

возникшей в результате приезда в Москву просоветски настроенных ученых

Две ее главные сети возглавляли «Старшина» и «Корсиканец»

«Корсиканец» – А. Харнак

«Старшина» – Х. Шульце-Бойзен (справа) с К. Шумахером

Радист сети Х. Коппи.

Х. Коппи

ЧЛЕНЫ БЕРЛИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ»: А. Хесслер, немец, бывший член Интербригады, завербованный в Испании в секретной школе Орлова. В 1942 году его сбросили с парашютом в Пруссии, чтобы восстановить контакт с «Корсиканцем» и «Старшиной»; позднее он попал в гестапо и был расстрелян.

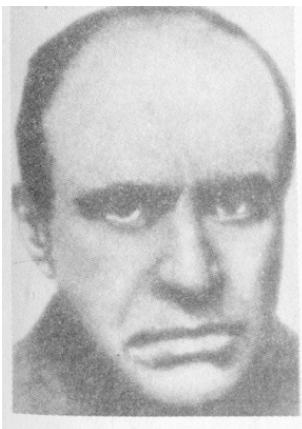
А. Хесслер

Э. фон Брокдорф – одна из женщин, член сети «Корсиканца», – жизнью заплатила за работу в коммунистическом подполье.

Э. фон Брокдорф

А. Кукхоффу – руководителю подразделения берлинск части «Красной капеллы» – был дан псевдоним «Старик».

А. Кукхоффу

В. Леманн был советским источником в гестапо под псевдонимом «Брайтенбах».

В. Леманн

К. Шульце также был активным членом сети в Берлине и нос псевдоним «Берг».

К. Шульце

ВЕРБОВЩИКИ СЕТИ ШПИОНОВ В ОКСФОРДЕ И КЕМБРИДЖЕ: Действуя под руководством И. Рейфа (Макс Волиш)

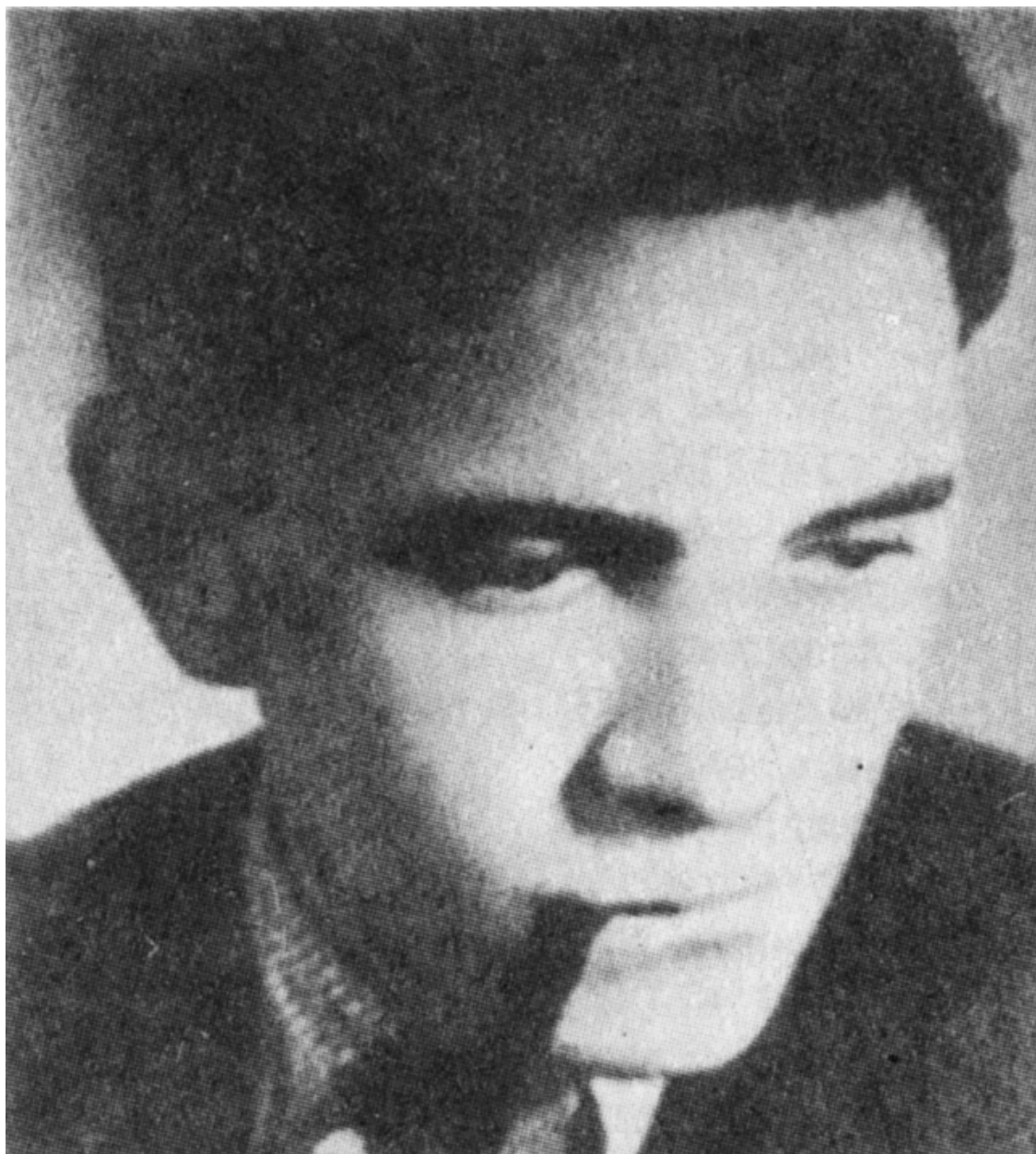

И. Рейфа (Макс Волиш)

нелегальный резидент НКВД в Лондоне – австрийский ученый А. Дейч – стал советским сотрудником, который вступил в контакт с К. Филби

А. Дейч

К. Филби

ТАЙНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕЗИДЕНТУРА: Орлов действовал под «крышей» фирмы «AMFRIG», выдавая себя за американского бизнесмена Уильяма Голдина до того, как он передал своих агентов Т. Малли (внизу справа) в 1935 году

Т. Мали

подлинный паспорт США на это имя

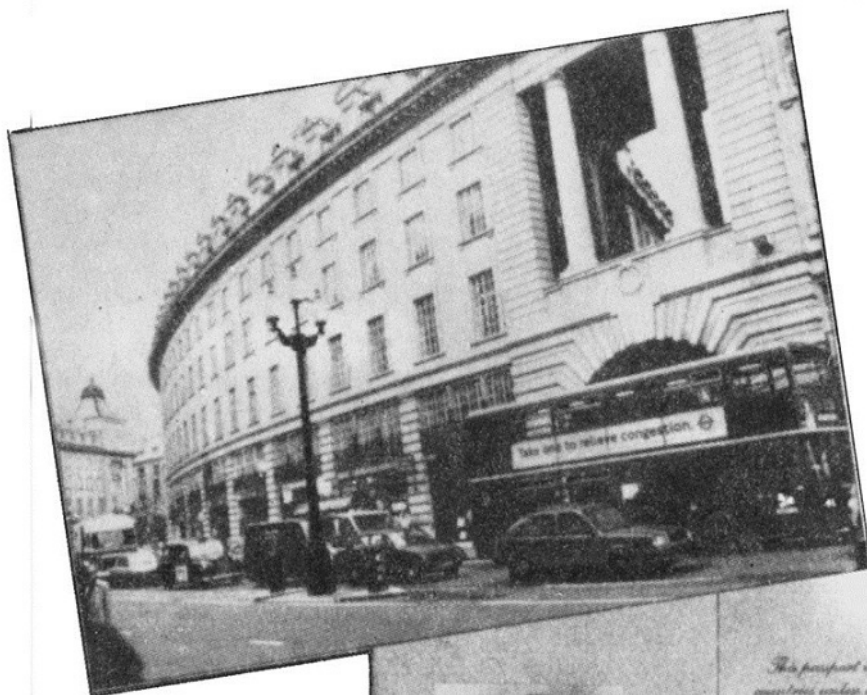
THE AMERICAN REFRIGERATOR CO., LTD.

CABLES
AMFRIG, LONDON
TELEPHONE
REGENT 2574
W. GOLDIN, U.S.A.
M. S. STANFIELD

IMPERIAL HOUSE (OFFICE 4B)
(ENTRANCE AIR STREET)

84, REGENT STREET,
LONDON, W.1.

193

Филби

Филби – снимок на лекции, которую он читал в учебном классе КГБ через сорок лет после того, как в 1934 году он включил в группу Д. Маклейна и Г. Бёрджесса.

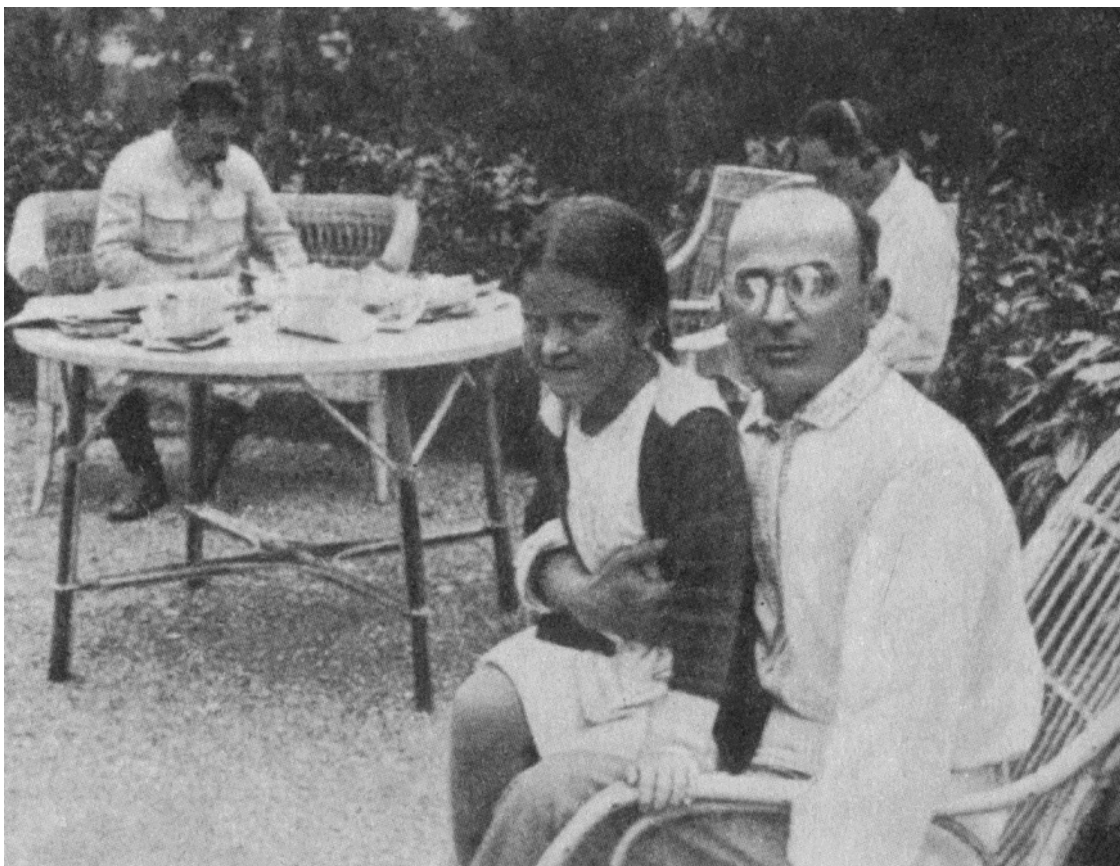

Д. Маклейн

Г. Бёрджесс

ЛИКВИДАЦИЯ ВРАГОВ «БОЛЬШОГО ХОЗЯИНА»: Уютная обстановка на ялтинской даче Сталина, где он отдыхал

(на снимке его дочь Сталина Светлана на руках у Берии)

резко контрастировала с кровавыми чистками, в ходе которых ликвидировались его оппоненты. По Европе рыскали группы убийц, действовавшие под контролем Н. Ежова

Н. Ежов

и непосредственным командованием М. Шпигельгласа.

М. Шпигельглас

«Черные списки» составлялись на основе донесений агента проникновения НКВД М. Зборовского ставшего одним из доверенных лиц в окружении Троцкого.

М. Зборовский

ОПЕРАЦИИ В ИСПАНИИ: Помощник Орлова А. Белкин руководил сетью «Корсиканца» в Берлине,

А. Белкин

а затем в Испании завербовал американца-добровольца из «Бригады Линкольна» М. Козна.

М. Коэна

В 1937 году был ликвидирован перебежчик из НКВД И. Рейсе.

И. Рейсе

Годом позже в Барселоне Орлов руководил ликвидацией А. Нина (внизу слева)

А. Нина

его заместитель Л. Эйтингон организовал убийство Троцкого.

Л. Эйтингон

ОРЛОВ-СЕМЬЯНИН: Франтоватый, уверенный в себе генерал НКВД в своей штаб квартире в Барселоне.

М. Орлова, так она выглядела на фотографии в австрийском паспорте, с которым ездила в Великобританию в 1934 году под именем Марии Фельдбин.

В. Орлова рядом с любящим отцом, вскоре ее иллюзии были разбиты в прах – в июле 1938 года семья бежала из Испании в Америку в вынужденную эмиграцию.

На фотографиях времени его службы в Сухуми Орлов выглядит как солдат с передовой: наголо стриженный, с усами и осанкой коренастого боксера-профессионала. Находясь явно в расцвете физических сил, он позировал со своим любимым конем и выглядел весьма уверенным в себе бригадным командиром пограничных войск.

К этому месту службы Орлова сопровождали жена и трехлетняя дочь Вероника. Любящие родители называли ее Верой; она унаследовала острый ум отца и красоту матери. Родители берегли ее как зеницу ока. В первый и единственный раз Орлов и Мария получили возможность насладиться счастьем нормальной семейной жизни в относительном покое и комфорте черноморской республики. Виноградники Грузии и собирающие обильные урожаи мелкие хозяйства в большинстве своем избежали разорения и голода Гражданской войны. Но далее в

этом советском оазисе, где круглый год было тепло, вдали от снегов и интриг Москвы, семью Орловых постигла трагедия.

Однажды весенним вечером они поехали кататься на лодке по Тифлисскому озеру. Внезапно разразился дождь, Орловы не смогли быстро добраться до берега, и все сильно промокли. У Веры начался озноб и поднялась высокая температура. В тот момент родители не придали болезни особого значения, считая, что это просто затянувшаяся простуда. Лишь позднее, когда они вернулись на следующий год в Москву, Орловы были потрясены, услышав диагноз врача – ревматизм, который был причиной того, что Вера никак не могла полностью выздороветь. Прогноз в отношении здоровья Веры был мрачным: в то время эта болезнь, которая разрушала сердце, считалась неизлечимой²⁵.

По мере того как шли годы, а здоровье их единственного ребенка неуклонно ухудшалось, самозабвенная любовь родителей к ней становилась все сильнее. Орлов все чаще задумывался о прогнозе относительно здоровья дочери, но никогда не терял надежду, что если не в России, то в какое-нибудь другой стране они, возможно, найдут врача, который сможет вылечить больного ребенка.

Вполне вероятно, что возможность отвезти Веру за границу для лечения была одним из факторов, объясняющих переход Орлова в Иностраннный отдел ОГПУ (ИНО) в 1926 году.

Летом 1926 года Орлов получил первое назначение на работу за границей, в Париже, под псевдонимом Льва Николаева. Судя по въездному штампу, проставленному французами, у него был статус сотрудника советского торгпредства. Такова была «крыша» Орлова для его роли «легального» резидента ИНО во Франции, в чем он признался в ходе собеседования, проведенного в 1965 году ЦРУ по просьбе французского управления контрразведки – Direction de la Surveillance du Territoire (ДСТ), имеющего у себя в стране приблизительно такие же полномочия, что ФБР в США или МИ-5 в Великобритании²⁶.

По словам Орлова, его обязанности как резидента ОГПУ включали не только сбор и передачу разведанных, но и контроль за безопасностью и наблюдение за политической благонадежностью персонала посольства СССР и торгпредства.

Судя по протоколам его допроса в ЦРУ, Орлов рассказал, что он фактически работал под крылом Якова Христофоровича Давыдова. Это был бывший начальник Иностранного отдела ОГПУ, который под фамилией Давтян был аккредитован в 1926 году в качестве сотрудника советской дипломатической миссии. Послом был Христиан Раковский, но, по наблюдениям Орлова, настоящая власть в посольстве сосредоточилась фактически в руках Давыдова. Авторитет Раковского, по словам Орлова, был сильно подорван тем, что он стал объектом постоянного шантажа со стороны белогвардейских офицеров, которые с помощью французских политических деятелей правого крыла вели кампанию за возмещение значительных дореволюционных капиталовложений Франции в Россию. Их обращения в парламент в конечном счете привели к разрыву дипломатических отношений, а следовательно, и к отзыву Раковского.

Орлов поведал ЦРУ, что именно Давыдов нес ответственность за вербовку Эрбетта де Монзи, которого называли «столпом французского политического истеблишмента». Орлов признавал, что именно де Монзи он имел в виду, говоря в своем «Пособии» об одном из политических лидеров в одной из «стран Европы», который поддерживал тайные контакты с СССР и выступал в роли посредника в контактах с «агентами влияния» в парламенте²⁷. Вскоре после отъезда из Парижа Давыдов был вознагражден получением ранга посла, а руководить агентами во французском парламенте было поручено одному советскому гражданину по фамилии Еланский. Примечательно, что Орлов заявил ЦРУ в 1965 году, что не может дать никаких точных сведений о личности или партийной принадлежности французского парламентария, который был у русских «в кармане».

Примечательно и то, что Орлов особенно настаивал на том, чтобы имя де Монзи не сообщалось французам. Однако, как показывают архивы ДСТ, именно это ЦРУ немедленно и сделало!

Орлов также рассказал ЦРУ, что Дмитрий Михайлович Смирнов, которого он называл уменьшительным именем Дима, был его помощником в парижской резидентуре в 1927 году. Он был из поляков, имел кодовое имя «Виктор» и работал во Франции под именем Дмитрий Михайлов. Именно он, как сообщил Орлов, завербовал бывшего царского генерала Дьяконова, выполняя задание Центра внедриться в эмигрантские организации во Франции. Смирнов стал в 1933 году преемником Орлова на посту «легального» резидента в Париже²⁸.

Другим помощником Орлова в парижской резидентуре был Дмитрий Лордкипанидзе, грузин, которого он знал по работе в Тифлисе. Под псевдонимом «Загарелли» он выполнял специальное задание по непосредственному указанию Сталина и должен был заставить известного меньшевика Н. В. Рамишвили, который в то время находился в Париже, написать книгу о революционном движении на Кавказе. Сталин надеялся, что таким образом его собственный вклад в большевистское движение в этой работе будет выдвинут на первый план. Однако Лордкипанидзе не удалось выполнить это задание, в результате чего он, как оказалось впоследствии, нажил себе смертельного врага в лице кремлевского диктатора²⁹.

Когда Орлов прибыл в советское посольство, которое тогда, как и теперь, размещалось в историческом особняке не улице Гренель, ОГПУ уже почти целиком прибрало к рукам те разведывательные функции, которые ранее осуществлялись через коминтерновскую сеть. По словам Орлова, вводящая в заблуждение информация, или дезинформация, как ее теперь называют, также стояла в повестке дня резидента ОГПУ³⁰. «Решение о том, какую информацию или слухи, если таковые появлялись, следовало окольным путем подsunуть так, чтобы они дошли до ушей определенного иностранного правительства, было само по себе вопросом высокой политики и должно было подчиняться конкретным целям, преследуемым высшим эшелоном власти СССР, – говорил впоследствии Орлов. – Дезинформация – это не просто ложь ради лжи; предполагается, что она станет ловким способом заставить другое правительство делать то, что Кремлю желательно, чтобы оно делало, или запугать и застрашать правительство какой-нибудь страны до состояния полной пассивности или до такой степени, что оно пойдет на уступки СССР»³¹.

Приведенный Орловым в его «Пособии» пример операции с вовлечением французского генштаба показывает, что французам были переданы страницы германского военного доклада, в котором указывалось, что Гитлер планирует вновь оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону, установленную по Версальскому мирному договору, чтобы затем через полтора года вторгнуться во Францию. ДСТ проглотила эту наживку. Орлов позднее объяснил ЦРУ, что этой успешной операцией руководил Борис Берман, возглавлявший в Центре работу по дезинформации. Знаменательно, что Орлов заявил, что не может вспомнить подробности. Но, как он полагает, подsunул эту дезинформацию советский агент по фамилии Уманский, который был лично связан с Пьером Лавалем. Уманский, русский еврей, был преданным коммунистом. По словам Орлова, после того как Уманский сопровождал Лавала в Москву, французский политический деятель, впоследствии возглавивший печально известное правительство Виши во время войны, подарил ему в качестве сувенира золотые часы. Однако, когда Орлова попросили сообщить более существенные подробности, он сказал, что больше ничего не знает об этой операции. Он утверждал, что видел Уманского случайно единственный раз, когда они оказались в одном купе в «Красной стреле», следовавшей из Ленинграда в Москву³².

Представленная Орловым информация раздражила французоз своей недоказательностью. Неубедительным был также и его ответ на вопрос о том, что это был за офицер тайной полиции одной неуказанной европейской страны, который, как Орлов утверждал в

своем «Пособии», сообщил советским представителям, что «влиятельный член кабинета является партнером крупной организации торговцев наркотиками». (В действительности это был министр юстиции Франции.) Хотя Орлов признался ЦРУ, что эта сенсационная информация была получена «между 1926 и 1928 годами», то есть в тот период, когда был резидентом во Франции, он утверждал, что не может ни вспомнить фамилию своего осведомителя из французской полиции, ни указать его имя в списке, представленном ему ДСТ³³.

По-видимому, «провалы в памяти» случались у Орлова именно тогда, когда нужно было вспомнить какие-то недостающие важные детали этих французских эпизодов. Ту же характерную для него тактику он применял, отвечая на вопросы ЦРУ относительно сути этих важных эпизодов. К 1965 году, когда его допрашивали по просьбе французской контрразведки, такие подробности имели лишь чисто историческое значение, и прошло уже почти три десятка лет с тех пор, как он открыто признал, что стал невозвращенцем. В этом случае, как и во многих других, Орлов никогда не имел намерения чистосердечно выкладывать все свои старые секреты. Однако из того, в чем он признался, можно заключить, что в период первой работы за границей он был глубоко вовлечен в осуществление многих важных операций. Орлов также научился быть удачливым игроком в тайных играх разведки. Хотя он прибыл в Париж, зная наизусть по работе в контрразведке правила конспирации, во Франции Орлову пришлось столкнуться с практическими проблемами их осуществления в чужой стране.

В разведывательной работе, как стало известно впоследствии, использовали специальные термины, начиная с таких очевидных эвфемизмов, как «явка» для обозначения тайных раундов и «легенда» для обозначения историй, придуманных для прикрытия, и кончая «дубками» или «тайниками» для обозначения мест, где оставляют донесения, и «книжками» – для обозначения паспортов или «земляками» – для обозначения коммунистов других стран. «Кличка» означала кодовое имя; «подстава» – провокатора; «внутренник» – так называли внедрившихся агентов, а «расчет» означал физическое уничтожение вражеского агента. Орлову как офицеру советской разведки также пришлось овладеть всеми практическими приемами ремесла, включая умение оторваться от полицейского наружного наблюдения, выбирая сложные маршруты, при этом излюбленным методом была смена видов транспорта, например пересадка из автобусов в такси. Для передачи документов отдавалось предпочтение библиотекам и погруженным в полутьму кинозалам. По словам Орлова, в 20-х и 30-х годах ОГПУ особое предпочтение отдавало использованию кабинетов «доверенных дантистов и врачей», которые были излюбленными местами действительно важных встреч³⁴.

По словам Орлова, чтобы отличить провокаторов от настоящих осведомителей, требовалось обладать шестым чувством. В подтверждение он рассказывает в своем «Пособии» о случае, происшедшем в одном парижском кафе во время пробной «встречи» с высокопоставленным сотрудником французского министерства торговли. Рандеву, как рассказывает Орлов, было организовано с целью дать оценку этому чиновнику, который за последнее время неоднократно намекал советскому торговому представителю во Франции, что готов сотрудничать с русскими. В доказательство своей искренности француз передал папку с секретными данными, касающимися торговой политики его правительства в отношении СССР. На первый взгляд, он казался потенциально ценным источником, однако было в обстоятельствах прямого контакта с ним нечто такое, что насторожило советского офицера. Инстинкт подсказал ему, что следует проявить чрезвычайную осторожность при проведении этой встречи. С этой целью он позаботился о том, чтобы направить двоих своих самых верных агентов для наблюдения за встречей со стороны. Она была запланирована в не вызывающей подозрений обстановке многолюдного парижского бистро³⁵.

Как оказалось, принятые меры предосторожности оказались отнюдь не лишними. Орлов рассказывает далее, что, как только советский офицер сел, он заметил двух мужчин, сидевших

за несколько столиков от него. «Эти двое похожи на полицейских агентов», – сказал он вызывающе французскому чиновнику, который слишком поспешно постарался развеять его беспокойство: «На мой взгляд, они выглядят как типичные представители среднего класса, брокеры, возможно, которые заключают свои сделки в кафе».

Как только офицер ушел, французский чиновник из министерства торговли, как сообщили наблюдавшие за ним агенты, сразу же поднялся и пересел к этим двум мужчинам, и у них завязался оживленный разговор. Агенты подслушали, что упоминалось о Коминтерне и несколько раз о России и русских, а затем один из французов оплатил счет и все трое уехали в одном такси!

В 1965 году Орлов раскрыл ЦРУ, что имя французского чиновника, занимавшегося в министерстве торговли вопросами торговли с СССР, было, кажется, Велман. У Орлова возникли подозрения, когда тот стал передавать французские документы, оказавшиеся не заслуживающими никакого внимания. Он рассказывал, что лично взял под контроль это дело и стал настаивать, чтобы Велман принес на встречу в кафе «Оснер» документацию, касающуюся торговых договоров. Тот так и сделал, уверяя, что документы необходимо возвратить ему на следующий день. Однако Велман, который обычно отличался пунктуальностью, опоздал на второе свидание. Это навело Орлова на мысль, что он, возможно, доложил в полицию и что для него расставлена ловушка³⁶.

Как вспоминал Орлов, Велман прежде всего задал вопрос: «Вы принесли документы?» Уверенный в том, что французская полиция ведет наблюдение за их встречах, как писал Орлов в своем «Пособии», он позаботился о том, чтобы его не поймали с поличным. Поэтому он сказал своему французскому «контакту», что правительственных документов при нем нет и что они находятся у другого его коллеги, который ждет их в одном ресторане в Булонском лесу. Чтобы поехать туда, они взяли такси, что дало возможность агентам Орлова убедиться, что в этом ресторане за ним нет слежки. Затем Орлов организовал передачу документов и немедленно после этого ушел. Он утверждал, что так и не сообщил Центру о своих подозрениях. Хотя Велман продолжал передавать документы в течение последующих нескольких лет, Орлова не покидала уверенность в том, что это был один из десяти случаев, когда он имел дело с двойным агентом. Подтверждением его подозрениям служил тот факт, что, хотя на первый взгляд французские документы были весьма важными, при ближайшем рассмотрении оказывалось, что они не имеют никакой реальной ценности. Это давало основания предполагать, что все это было никчемной информацией, специально подготовленной контрразведывательной службой Франции³⁷.

«Так, – заключил Орлов с удовлетворением, как будто поздравляя себя самого, – грубая попытка французской полиции внедрить двойного агента была разоблачена в зародыше»³⁸. Он признавался также, что «рукопашная схватка» с разведслужбой противника имела для него «особого рода притягательную силу». Хотя их учили смотреть на офицеров иностранных разведок как на профессиональных шпионов, себя советские офицеры разведки считали «революционерами, выполняющими опасные задания партии». Тем не менее существовало между ними то, что Орлов характеризовал как «некую духовную общность». «Встреча с агентом иностранной разведки, – писал Орлов, – вызвала у меня такое же возбуждение и любопытство, какое возникает у двух противников-летчиков, когда они видят друг друга в просторах неба»³⁹.

Разведывательная работа Орлова как резидента ОГПУ в Париже не ограничивалась операциями против внешних врагов. Он поведал, что нес личную ответственность за «подчистку» ошибок, сделанных в первые годы, когда усилия Центра, направленные на создание агентурных сетей, приводили к засылке агентов, совершенно не пригодных для работы под видом бизнесменов. Такие ошибки, писал он, обходились весьма дорого, поскольку большинству агентов ОГПУ не хватало смекалки, необходимой для бизнеса. Слишком многие фирмы, созданные

на широкую ногу, чтобы оперативник выглядел процветающим бизнесменом, потерпели катастрофический провал, когда дело доходило до привлечения потенциальных агентов. Кроме того, соблазн, который представляли собой огромные средства, необходимые для шпионской деятельности тайных агентов и выдаваемые советским торгпредством, нередко превращал их в крупных казнокрадов.

Одной из первых задач, которой пришлось заняться Орлову, был допрос Юрия Праслова. Этот случай он описывает в общих чертах в своем «Пособии». Судя по подробностям, которые Орлов сообщил ЦРУ (и которые были переданы французской ДСТ в 1965 году), Праслов был первым советским «нелегальным» резидентом, работавшим во Франции. «Он был надежным сотрудником службы, направленным туда работать под прикрытием коммерческой деятельности», – рассказывал Орлов в ЦРУ, раскрыв при этом, что кодовое имя Праслова было «Кепп». Хотя он не мог назвать конкретной даты начала операций, Орлов, тем не менее, сообщил ЦРУ некоторые подробности расследования, которое проводил в 1926–1927 годах, когда был резидентом в Париже и работал под «крышей» торгпредства⁴⁰.

Праслова направили в Париж с латвийским паспортом и легендой бизнесмена, для того чтобы создать во Франции экспортно-импортную фирму. Орлов был не в состоянии вспомнить (в который раз!) название компании, которую открыл Праслов в роскошно отделанном помещении. Однако он рассказал в ЦРУ, что тот работал во Франции вместе с другим агентом по фамилии Богвуд, с которым действовал в Турции. По словам Орлова, именно этот Богвуд донес на Праслова, в результате чего Центр решил расследовать обстоятельства коммерческой деятельности его товарища. Орлов обнаружил, что, несмотря на то, что был нанят многочисленный персонал, Праслову не удалось заключить ни одной выгодной сделки или завербовать хотя бы одного агента. Он обратился тогда за помощью к Михаилу Ломовскому, своему другу, который был главой советского торгпредства. Тот согласился помочь Праслову, передав в его ведение большой объем товаров, экспортированных из Советского Союза, за которые Праслов немедленно получил большие комиссионные⁴¹.

Неудивительно, что тесная деловая связь между мнимым гражданином Латвии и русскими вызвала интерес у французской контрразведки. За фирмой Праслова «Сюрте женераль» установила столь тщательное наблюдение, что это мешало ему проводить какие-либо шпионские операции. Тем временем благодаря большому объему операций, проходивших через торгпредство, в распоряжении Праслова оказались десятки миллионов франков. Прикарманив два миллиона, этот советский агент был охвачен угрызениями совести и решил поправить финансовые дела, попытав счастья за игорными столами «Казино де Довиль».

Когда Орлов потребовал на просмотр бухгалтерские книги фирмы, преисполненный раскаяния Праслов признался, что спустил девять миллионов франков в казино и что он готов для расстрела вернуться в Москву. Праслова, несомненно, ликвидировали бы по возвращении, если бы не личное обращение начальника ИНО Триллисера к Сталину. Триллисер оказался зятем одного из приспешников «Большого Хозяина», просьба которого подвигла Сталина на не характерный для него акт великодушия: он приказал заключить бывшего резидента в концлагерь на пять лет⁴².

Когда происходили случаи, подобные случаю с Прасловым, Орлов, основываясь на личном опыте, понимал, что советские разведывательные операции все еще являются полюбительски неэффективными. Это ощущение подтверждалось целой цепью провалов весной 1927 года, которые выявили действительно слабые места в разведоперациях ОГПУ за рубежом. В марте того года поляки разоблачили агентурную сеть в Варшаве, которой руководил белогвардейский генерал; затем было разоблачено как центр шпионажа советское торгпредство в Стамбуле. В апреле в результате полицейского рейда на советское консульство в Пекине было изъято большое количество шпионских документов, а затем швейцарцы арестовали восьмого члена

французской шпионской группы, возглавлявшейся Жаном Креме, высокопоставленным членом французской компартии. В мае была арестована группа австрийских сотрудников министерства иностранных дел за передачу Москве секретных документов. Однако самый тяжелый удар по советской разведке был нанесен в том же месяце британцами, которые по наводке одного информатора организовали массированный налет на офис англо-советского общества «Аркос» в лондонском Сити.

Последствия налета на «Аркос» самым непосредственным образом отразились на Орлове. После того как Стэнли Болдуин, британский премьер-министр, объявил о выдворении из страны персонала как торгпредства, так и советского посольства, парижской резидентуре было приказано взять на себя руководство тем, что осталось от советских разведывательных операций в Англии. В своем «Пособии» Орлов писал, что суть проблемы заключалась в том, что практика размещения резидентур ОГПУ в посольствах и связанных с ними торгпредствах превращала их в громоотводы, когда приходила беда и агентов разоблачали. Провал агентурных сетей приводил к тому, что на головы советских дипломатов обрушивались обвинения в неподобающем поведении, а связанные с ними люди из местных компартий получали ярлыки шпионов, маскирующихся под политическую партию.

«Каждый раз, когда разоблачалась шпионская группа, работавшая на СССР, следы вели прямо в советское посольство со всей вытекающей отсюда враждебной шумихой вокруг, — отмечал Орлов в конце 20-х годов. — Советскому правительству было желательно реорганизовать свои разведывательные операции на территории других государств таким образом, чтобы в случае провала агентов следы не вели в советское посольство и чтобы советское правительство получило возможность отрицать любые связи с разоблаченной шпионской группой»⁴³.

Орлову пришлось самым непосредственным образом столкнуться с этой проблемой, когда в начале 1928 года его направили в Берлин в качестве сотрудника советского торгпредства, которое являлось тогда главной европейской базой растущего аппарата советской внешней разведки.

Глава 3

Дело «Ворма» и новый паспорт

Отправляясь к своему новому месту работы в Германии, Александр Орлов был вынужден оставить заболевшую жену в Париже. Мария приехала к нему позднее в качестве секретаря торгпредства, где ее избрали членом партийного комитета¹. Александр Орлов прибыл в Берлин в январе 1928 года вскоре после своего дня рождения (ему исполнилось 33 года), то есть четыре года спустя после целой серии инспирированных Москвой коммунистических мятежей в Веймарской республике. Возможно, революции и не удалось пустить корни в германском послевоенном эксперименте с демократией, но свобода личности, за которую ратовал веймарский парламент, зажгла зеленый свет для коренных перемен в интеллектуальной и сексуальной областях. Бывшая столица проповедовавшего пуританскую мораль германского рейха превратилась в гедонистский центр Европы. Общественное сознание претерпело столь глубокое революционное изменение, что границы дозволенного в драматургии расширились до острой сатиры Бертольда Брехта. Результатом сотрудничества драматурга с композитором Куртом Вайлем стал потрясающий успех «Трехгрошовой оперы», премьера которой состоялась как раз через два месяца после приезда Орлова в Берлин. В ночных кабаре на Курфюрстендамм открыто происходили сборища любителей эротики. Кинематограф приятно будоражил нервы зрителей рискованными сценами, и «роковая женщина» Лола в «Голубом ангеле» в исполнении Марлен Дитрих вскоре стала самой знаменитой статьей любовного экспорта этого города.

Человека, прибывшего в Берлин в конце 20-х годов, внешняя сторона жизни города могла ввести в заблуждение. О чем бы ни шла речь – о зажигательном шоу в ночном клубе «Эльдорадо» на Моцартштрассе или о русских дипломатах, работающих в советском торгпредстве на Линденштрассе, – все в этом городе, притягивавшем к себе как магнит гедонистов и шпионов, было не тем, чем казалось на первый взгляд. Сам Орлов, взяв чужое имя, стал частью этого обмана. По паспорту он стал Львом Лазаревичем Фельделем, аккредитованным торговым советником². Настоящей же целью его миссии была совсем не коммерция, а шпионаж, хотя об этом не догадался бы ни один человек, посетивший его офис в Хандельсфертретунг дер Совет-унион, как называли немцы штаб-квартиру советского торгового представительства. Размещавшееся в монументальном здании, расположенном в квартале от Рейхсбанка и неподалеку от советского посольства на Унтер-ден-Линден, торговое представительство служило внушительным прикрытием для сбора разведывательной информации.

Берлин был шпионской столицей Европы на протяжении всего периода существования Веймарской республики, пока «великая депрессия»* не выплеснула на его улицы банды нацистских коричневорубашечников с их силовыми призывами к Гитлеру восстановить авторитарную власть. Хандельсфертретунг был мозговым центром деятельности советской разведки на континенте. Внушительный размер штаб-квартиры торгпредства был внешним отражением скрытых масштабов конспиративных взаимоотношений, завязавшихся между СССР и Германией после разрыва Веймарской республики с остальной Европой в 1922 году с целью заключения сделки с советским правительством. Рапальский договор, который был подписан в том году на итальянском приморском курорте, не только утверждал признание де-юре большевистского режима, но и предоставлял ему статус «наибольшего благоприятствования». Распахнутые двери для растущего объема торговли также позволили Советскому Союзу осуществлять разведывательную деятельность под прикрытием германо-советских торговых компаний, проводящих законные коммерческие операции. К числу наиболее видных фирм относились «Deruta Deutsche-Russische Transport Gesellschaft», Германо-Российская нефтяная компания и «Garantie-und-Kredit-Bank für den Osten AG».

Это были внешние операции по образцу «Востваг» («West-Oesteuropäische Warenaustausch Aktiengesellschaft»), Мировой экономической кризис в странах капитализма 1929–1931 гг. (*Прим ред.*) берлинской торговой фирмы, основанной в 1921 году братьями Аароном и Абрамом Эренлибами, двумя офицерами военной разведки польского происхождения, которым были выделены средства из фондов Красной Армии для организации компании-прикрытия по адресу Шиффбауердамм, 19³.

Договор, ознаменовавший эру тесного торгового сотрудничества между Веймарской республикой и СССР, содержал также ряд секретных статей, дававших возможность Германии обойти ограничения, налагаемые Версальским мирным договором для того, чтобы сохранять в демилитаризованном состоянии германские вооруженные силы. Однако в течение десятилетия, предшествовавшего приходу Гитлера к власти, личный состав германского флота, армии и ВВС тайно функционировал и проходил подготовку в России. Работая бок о бок с советскими экспертами, он получил возможность продолжать разработку подводных лодок, самолетов и танков, то есть ту деятельность, которая была особо запрещена положениями того, что многие немцы с возмущением называли «версальским диктатом».

Одной из важнейших обязанностей Орлова в торговой делегации было осуществление контроля за выполнением секретных военных контрактов и договоров о закупках, которые Советский Союз заключил с Германией. В 1929 году его главным подчиненным в этих тайных операциях по торговле военными материалами был Павел Аллилуев, назначение которого на эту должность было санкционировано комиссаром обороны Климентом Ворошиловым. Орлов был в числе небольшой горстки советских старших должностных лиц в Берлине, кому было известно о том, что человек, которого Москва прислала для контроля качества самолетов и двигателей, закупаемых в Германии, был братом второй жены Сталина Надежды Аллилуевой. В те два года, что они проработали вместе в Берлине, Аллилуев стал доверенным лицом и верным другом, от которого Орлов получил немало информации из первых рук о «византийском» образе жизни внутри Кремля. У Аллилуева была там квартира с 1919 года, когда его сестра, темноволосая семнадцатилетняя красавица, сила воли которой была под стать ее поразительной восточной красоте, вышла замуж за сорокалетнего Сталина. Их беспокойный брак закончился трагически – самоубийством Надежды в 1932 году, через год после возвращения Аллилуева в Москву из Берлина. Впоследствии Орлов узнал непосредственно от Аллилуева, с которым вновь встретился в 1937 году в Париже, что, несмотря на слухи о том, что Сталин застрелил ее в припадке ярости, его сестра на самом деле застрелилась сама, чтобы вырваться из уз ставшего невыносимым брака, после одной особенно бурной ссоры с мужем-тираном⁴.

Решение Сталина направить шурина на работу под началом Орлова в Берлин свидетельствовало о том, что он придавал большое значение тайному сотрудничеству, которое открывало советским вооруженным силам доступ к германской технологии производства вооружений. Поскольку Сталин использовал русско-германские отношения для перевооружения Красной Армии и ВВС, это сотрудничество способствовало укреплению антифранцузских настроений Германии, традиционного недруга России в Европе. Эти настроения достигли своего апогея в 1923 году, когда французская оккупационная армия, находящаяся в Рейнской области, двинулась в Рур после того, как немцы не выплатили военных репараций. Однако подспудная выгода, которую Сталин извлекал из этого «брака по военным соображениям» с Берлином, заключалась в массовом проникновении советских агентов в Германию.

Надежды Москвы на разжигание второй большевистской революции в Германии рухнули после ряда безуспешных коммунистических мятежей в разных частях страны в октябре 1923 года, однако последствием того, что было инспирированной Коминтерном катастрофой, стал сенсационный рост разведывательных операций IV Управления штаба РККА (РУ) и Иностранного отдела ОГПУ. Для достижения целей, намеченных в Первом сталинском пятилетнем плане, агенты РУ и ИНО, действовавшие под прикрытием Хандельсфёртретунг, предприняли

совместными усилиями атаку на технологические секреты германской промышленности. Их операции имели целью кражу патентованных химических процессов у мощной корпорации «И. Г. Фарбен», похищение современной сталеплавильной технологии у Круппа и «Рейнметал», инженерных чертежей – у Борзига и Маннесмана, и последних достижений электропромышленности – у компаний «АЭГ» и «Сименс». Официальные лица из торгового представительства, которое выступало в качестве расчетной палаты для законных контрактов и «крыши» для советских разведывательных сетей, вербовали персонал и внедряли лиц, сочувствующих коммунистам, во всемирно известные научно-исследовательские учреждения Германии, такие как Институт кайзера Вильгельма, Берлинская высшая техническая школа и Институт Люфтваффе-форшунг⁵. Участие Орлова во многих ключевых операциях было решающим. Он прибыл в Берлин после того, как были обнародованы задачи Первого пятилетнего плана по перестройке Советского Союза и превращению его в современное промышленное государство. Невероятные цели, которые ставил перед промышленностью Сталин, практически не учитывали ни людских затрат, ни производственных мощностей, причем Германия была очевидным источником, из которого Россия могла получить технический опыт и научные «ноу-хау», чтобы подпитать советскую промышленность. Это составляло существенную часть задания Орлова, и его опыт как главы резидентуры ОГПУ в торгпредстве в Париже вовлек его в новый вид разведывательной деятельности, которая на том этапе истории СССР приобрела не меньшее значение, чем военная или политическая разведка.

«Ее целью было оказание помощи в индустриализации Советского Союза путем кражи производственных тайн – новых изобретений, секретных технологических процессов и т. п.», – писал впоследствии Орлов, объясняя, каким образом «советские разведывательные организации за границей начали вербовать в свои сети инженеров и ученых, а также изобретателей, работавших в лабораториях и на предприятиях крупнейших промышленных концернов»⁶. По словам Орлова, когда он прибыл в Берлин, Советский Союз уже связал себя обязательством закупить большое количество машин и оборудования и даже целые заводы на Западе для достижения целей, намеченных в пятилетнем плане. С немцами велись переговоры относительно закупки патентов на промышленные процессы, причем предполагалось, что немецкие инженеры поедут работать по контрактам в Россию, чтобы инструктировать советский инженерно-технический персонал и обучать его новым методам. Однако цена, которую немцы запросили за эту техническую помощь, была настолько высокой, что Сталин дал указание ОГПУ сосредоточить усилия своих агентов на организации краж изобретений и патентов⁷.

Для этого в 1929 году в ИНО было создано новое подразделение по промышленной разведке. В его задачи входило получение нелегальными средствами того, что Комиссариату внешней торговли не удавалось заполучить путем легальных контрактов или экономического лицензирования германских промышленных технологий. Его деятельность осуществлялась в сотрудничестве с Отделом экономической разведки, для чего у Орлова имелся в распоряжении многочисленный персонал торгпредства в Берлине.

Огромное здание со штатом из нескольких сот русских и сочувствующих немцев вполне соответствовало гигантскому торговому обороту на сотни миллионов марок.

В годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти в 1933 году, финансовая жизнеспособность многих известных германских фирм, таких как «БМВ» и «Юнкерс», решающим образом зависела от их контрактов с этим подразделением торгового представительства, именуемого, чтобы не вызывать беспокойства, инженерным отделом. Его деятельность служила прикрытием для экспорта в СССР германских вооружений, запрещенных Версальским договором. Персонал этого отдела – как русские, так и немцы – тщательно проверялся сотрудниками ОГПУ с помощью верных членов Коммунистической партии Германии (КПГ)⁸.

«Иногда получения всех необходимых формул, чертежей и инструкций было достаточно для того, чтобы советские инженеры и изобретатели смогли воссоздать сложный механизм или в точности воспроизвести какой-то производственный процесс», – писал Орлов⁹. Однако, несмотря на такой успех, он замечал, что в СССР часто обнаруживали нехватку человеческого фактора – особого умения и инженерной интуиции, когда приходилось точно воспроизвести какой-то сложный производственный процесс. В таком случае, если верить Орлову, требовалось найти подходящих немецких или других иностранных инженеров и побудить их, соблазнив финансовыми вознаграждениями, поехать в Россию для обучения советских инженерно-технических кадров. И тогда, чтобы тщательно скрыть поездки граждан Германии в Советский Союз, новый паспорт на чужое имя был необходим для сокрытия того факта, что тот или иной немецкий ученый или инженер отправлялся в несанкционированную поездку в Советский Союз.

«Гонорары, выплачиваемые русскими за такие поездки, иногда достигали 10 000 долларов США за несколько дней работы», – рассказывал Орлов, отмечая при этом, что, тем не менее, «Советы сэкономили на этом миллионы»¹⁰. Сам Орлов приводил в качестве примера, иллюстрирующего успех его операции в Германии, подробный отчет о том, как ОГПУ выкрало технологию изготовления промышленных алмазов. Растущий спрос в Советском Союзе на алмазы для режущих инструментов, необходимых для развития нефтепромышленности в соответствии с пятилетним планом развития металлургии, заставил рассмотреть предложение Круппа о поставке недавно изобретенных у него «види», как назывались тогда эти искусственные камни (от немецкого «wie diamant», т. е. «подобные алмазам»)¹¹.

Советский Комиссариат тяжелой промышленности немедленно закупил партию образцов «види» для опробования их в бурильных операциях. Когда их прочность и высокая режущая способность подтвердились, комиссариат решил купить патентные права на производство «види» и заключить контракт с Круппом на строительство завода для их производства в Советском Союзе. Однако два директора немецкой фирмы, приехавшие в Москву для переговоров, заломили непомерно высокую цену. Когда эта цена обсуждалась на заседании Политбюро, Сталин, по словам Орлова, заявил Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попытайтесь выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»¹². Вызов был принят, и соответствующие указания направлены в торгпредство в Берлине. Первым шагом в том, что Орлов называл «трудным заданием», было выяснение местонахождения завода, производящего «види», и фамилий изобретателя и инженеров, отвечающих за это производство.

Для выполнения этого задания был выбран д-р Б., как назвал Орлов своего агента, немецкий ученый из Берлинской высшей технической школы. Через одного из своих коллег ему удалось выяснить, что завод Круппа, изготавливающий промышленные алмазы, расположен в пригороде Берлина. Отправившись туда, он разговорился в пивной неподалеку от завода с работающими на нем инженерами и техниками, рассказав им, что работает над монографией о твердых сплавах, а они рекомендовали ему поговорить с ответственным за процесс старшим техником по фамилии Корнелиус. С помощью инспектора берлинской полиции, который, как рассказывал Орлов, тоже был советским информатором, д-р Б. раздобыл домашний адрес Корнелиуса. Затем он отправился на встречу с крупповским техником и расположил его к себе выпивкой и обедом. Весьма польщенный вниманием со стороны столь известного ученого, Корнелиус без утайки рассказал ему о печах, в которых получают «види» под воздействием высоких температур и давления. Изобретателем процесса был один инженер, которого Орлов назвал оперативным псевдонимом «Ворм» и который, по его словам, недавно был уволен Круппом за то, что согласился изготовить такую же печь для одного из конкурентов промышленного гиганта¹³.

«Ворм» был занесен Крупном в черный список, а это означало, что он не мог получить другой работы в этой отрасли, вследствие чего оказался легкой добычей для русских. Орлов поведал, что д-ру Б., чтобы вызвать интерес у «Ворма», пришлось лишь представиться посредником одной шведской фирмы, заинтересованной в создании установки для производства промышленных алмазов, чтобы разрушить монополию Круппа. За 10 000 марок он согласился сделать полное техническое описание процесса. Однако, будучи преданным членом нацистской партии, «Ворм» оговорил, что он будет сотрудничать со шведами только при условии, что они не станут продавать алмазы русским.

Усердные попытки сыграть на корыстолюбии жены «Ворма», предложив выплачивать ей дополнительно 1000 марок в неделю, а также тайно подкинув ей субсидию на покупку туалетов, привели к тому, что д-р Б. заручился ее поддержкой. Эта поддержка сыграла решающую роль, когда из Москвы сообщили, что, в дополнение к изготовленным «Вормом» чертежам производственного процесса, необходимо, чтобы изобретатель присутствовал при строительстве и пуске в эксплуатацию печи, которая вращается на большой скорости при высокой температуре для образования тепла и давления, требуемых для преобразования частиц графита в промышленные алмазы. Орлов вспоминал, что жене «Ворма» понадобилась целая неделя, чтобы уговорить мужа согласиться подписать контракт на два года работы в России. Изобретатель, согласившись, настоял на том, чтобы в Москве ему было обеспечено проживание в первоклассной гостинице, предоставлена в распоряжение машина с шофером, а также потребовал контракт для своего бывшего помощника с завода Круппа. Г-жа «Ворм» продолжала получать отдельную субсидию из Москвы, что сыграло решающую роль, когда потребовалось удержать «Ворма» в России после того, как он заболел там ревматизмом. Хотя его письма домой были преисполнены ненависти к Советскому Союзу, его жена, у которой только что прорезался вкус к высокому уровню жизни в Берлине, позаботилась о том, чтобы ее муж выполнил условия контракта и обеспечил пятилетний¹⁴ план промышленными алмазами по низким ценам.

Не все усилия ОГПУ, направленные на кражу германской технологии, заканчивались столь же успешно. Орлов вспоминал, как в 1929 году операция, задуманная Абрамом Слуцким, который был в то время заместителем начальника Иностранного отдела, привела к крайне неприятным последствиям. В ней предусматривалось использовать одного агента ОГПУ, который якобы бежал из Советского Союза, чтобы открыть патентное бюро в Берлине. Фирма объявляла о наличии в ней «вакантных мест» и настойчиво подчеркивала якобы антисоветскую позицию своего управляющего, что предположительно должно было привлечь целый поток полезных изобретений, а также открывало возможность подкупа и подрыва моральных устоев изобретателей, работавших на германскую военную промышленность. Выбранный Слуцким агент был двоюродным братом директора германской киностудии УФА, человека, положение которого помогло бы вызвать доверие к бюро. Он разместился в роскошном берлинском служебном помещении, получив на его аренду 40 000 долларов США из фондов ОГПУ¹⁵.

Орлов, памятуя о провале Праслова во Франции, относился к этому плану скептически, отмечая также, что, для того чтобы удержать на плаву в бизнесе это фиктивное патентное бюро, потребуется 30 000 долларов США в год. Деньги были потрачены впустую. В результате этой операции не удалось получить какой-либо важной информации, и из всего потока безумных изобретений, который потек в его офис, единственным видом вооружения, попавшим в руки бюро, была небольшая модель артиллерийского орудия. Комиссариатом обороны уже были получены чертежи этого оружия благодаря секретному соглашению с немецким генштабом. Бюро также привлекло внимание полиции, в результате чего в 1930 году оно было ликвидировано. В отличие от обычной практики ОГПУ, агенту Слуцкого, который руководил этим бюро, было разрешено остаться в Германии после того, как он заверил, что не будет делать никаких разоблачений перед властями¹⁶.

Большие надежды возлагались на другую разведывательную операцию в Берлине. Из описания ее Орловым можно сделать вывод, что он был ее вдохновителем. Однако надежды эти совсем не оправдались. Суть операции заключалась в «обхаживании» немецкого фабриканта русского происхождения, производившего карандаши. Во время революции в России он потерял там фабрику и большие владения. После бегства с семьей в Берлин г-н С, которого называли лишь по первой букве его имени, к 1931 году жил с дочерью в весьма стесненных условиях, когда с ним в контакт вступил представитель советского Комиссариата легкой промышленности. Г-ну С. было сделано предложение, от которого, как полагали, тот не откажется: возвратиться в Россию, чтобы за весьма приличное жалованье наблюдать за строительством новой карандашной фабрики в Москве. Обедневший немецкий промышленник ухватился за возможность восстановить семейное состояние, однако вскоре обнаружил, что предложение было сделано не только потому, что советским школьникам неожиданно потребовались его карандаши с золотым тиснением. Эти заманчивые посулы были сделаны потому, что Центру стало известно о работе его дочери личным секретарем японского поверенного в делах в Берлине и что ей часто приходилось работать для самого посла. По словам Орлова, ОГПУ не имело доступа к важным японским разведанным, а поэтому оно не могло упустить такой шанс. Однако, когда отцу было сказано, что его деловая сделка зависит от того, удастся ли ему уговорить дочь приносить домой конфиденциальные японские военные и дипломатические документы, он все рассказал жене. Та яростно запротестовала, заявив, что ее дочь «никогда не будет шпионкой», и вся хитроумная операция рухнула¹⁷.

Тщательно продуманный план использования информаторов женского пола, который, как отмечал Орлов, действительно увенчался блестящим успехом, был предпринят в 1929 году, когда один из агентов завел роман с молодой секретаршей из министерства иностранных дел Германии. Светловолосая северная красавица, которая сочувствовала нацистам, тем не менее невольно позволила уговорить себя стать ценным источником информации для советской разведки. Любовник убедил ее принести ему секретные отправления дипломатической почтой, заявив, что является горячим сторонником Гитлера. Немало успешных результатов было достигнуто благодаря притворным любовным связям, но, как отмечал Орлов, в некоторых случаях они даже кончались прочными браками. Он вспоминал, как его бывший начальник Артузов посмеивался по поводу одного такого случая: «Этой супружеской паре будет что рассказать своим внукам, если их спросят, при каких обстоятельствах они поженились»¹⁸.

Впоследствии Орлов оправдывал проведение им операций по промышленному шпионажу в Берлине перед сенатским комитетом США. Он утверждал, что, согласно подсчетам экономического отдела ОГПУ, промышленные картели и тресты Запада, которые торговали с Советами, завышали иногда на 75 процентов цены на товары и услуги, предоставляемые русским промышленным предприятиям.

«Должен признаться, – свидетельствовал Орлов в 1957 году, – что именно я в 1930 году обнаружил существование так называемого «джентльменского соглашения», или блока, между электрическими компаниями мира»¹⁹. Он рассказал юридическому подкомитету, как его агенты в Германии представили сенсационное подтверждение этому в виде конфиденциального меморандума американской фирмы «Дженерал электрик». «Я помню послание, подписанное вице-президентом фирмы Миндором и адресованное немецкой компании “АЭГ”», – сказал Орлов в своих свидетельских показаниях в 1955 году. Он имел в виду письмо директора по фамилии Блейман члену руководства швейцарской фирмы «Браун Бовери». В нем, по его словам, содержался «список цен, которые следовало запрашивать с Советского Союза под тем предлогом, что у него не было достаточного обеспечения кредитов». Он объяснил, что этот разоблачительный документ был получен с помощью одного прокоммунистически настроенного служащего АЭГ. По утверждению Орлова, документ сыграл решающую роль, позволив

Советскому Союзу «развалить» в конечном счете этот картель, который, по его словам, заламывал «цены на 60–70 процентов выше, чем обычные», за электрогенераторное оборудование и тяжелые моторы, поставляемые в СССР²⁰.

Насколько эффективно советская разведка осуществляла операции по промышленному шпионажу в Германии в период работы Орлова в мозговом центре на Линденштрассе, можно судить по отчету за 1930 год Союза немецкой промышленности, известного под названием «Рейхсфербанд дер дейчен индустри». Этот союз основал бюро по борьбе с промышленным шпионажем, по оценкам которого ежегодные потери к концу десятилетия составляли более 800 млн. марок, или почти четверть миллиарда долларов в год. Усилия по борьбе со шпионажем, предпринятые Союзом немецкой промышленности, почти не имели успеха, поскольку Советам удалось внедрить одного немецкого коммуниста в головное учреждение бюро, устроив его там в качестве секретаря. Дополнительным фактором, способствовавшим этому, было нежелание министерства иностранных дел Веймарской республики портить отношения с Советским Союзом. В результате этого случаи шпионажа, раскрытые в 20-х годах, не подвергались строгому судебному разбирательству. Обычно судом выносились легкие приговоры, сводившиеся к нескольким месяцам тюремного заключения даже в отношении самых тяжких преступлений. При этом такие дела окружались секретностью, чтобы избежать открытой критики в адрес Германо-советского пакта²¹.

Увеличивающийся размах шпионской деятельности, центром которой было советское торгпредство, причинял все же слишком большое беспокойство, чтобы его можно было игнорировать. К концу пребывания там Орлова берлинская полиция, которая создала специальное подразделение для борьбы с промышленным шпионажем, обнаружила трехкратное увеличение числа зарегистрированных случаев шпионажа за период между 1929 и 1930 годами: с 330-ти до более 1000. Во многих случаях следы вели к рабочим-коммунистам, составлявшим существенную часть хорошо организованной сети, на которую был возложен сбор информации и секретов под руководством советских служащих из Хандельсфертретунг. Обнаружилось, что советское торговое представительство было связано (или непосредственно участвовало в них) со слишком многими из этих случаев, чтобы можно было отмахнуться от фактов. Официальные опровержения со стороны советского посольства и торгпредства вскоре настолько участились, что газеты, явно иронизируя, начали упоминать о них как о «неизбежном опровержении» или «опровержении, как и следовало ожидать», со стороны советских официальных лиц²².

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.